

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО J. K И ДРУГИЕ против ШВЕЦИИ

(Заявление №59166/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 августа 2016 г.

Постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения

СОВЕТ ЕВРОПЫ

По делу *Ж. К. и другие против Швеции*,

Европейский суд по правам человека, заседая Большой Палатой в следующем составе:

Гвидо Раймонди (Guido Raimondi), председатель,

Ишил Каракаш (Işıl Karakaş),

Луис Лопес Герра (Luis López Guerra),

Мирьяна Лазарова Трайковска (Mirjana Lazarova Trajkovska),

Леди Бианку (Ledi Bianku),

Кристина Пардалос (Kristina Pardalos),

Хелена Ядерблом (Helena Jäderblom),

Кшиштоф Войтычек (Krzysztof Wojtyczek),

Валериу Грицко (Valeriu Griţco),

Дмитрий Дедов (Dmitry Dedov),

Юлия Моток (Iulia Motoc),

Йон Фридрик Кжолбро (Jon Fridrik Kjølbro),

Сиофра О'Лири (Síofra O'Leary),

Карло Ранзони (Carlo Ranzoni),

Габриэле Куцско-Штадльмайер (Gabriele Kucsko-Stadlmayer),

Пере Пастор Виланова (Pere Pastor Vilanova)

Алена Полячкова (Alena Poláčková), судьи,

а также Сорен Пребенсен (Søren Prebensen), заместитель секретаря Большой Палаты,
после закрытых заседаний 24 февраля 2016 г. и 27 июня 2016 г.

вынес следующее постановление в указанный последний день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№59166/12) в отношении Королевства Швеция, поданному в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами Ирака, г-ном Ж.К., его женой и сыном («заявители»), 13 сентября 2012 г. Председатель Большой Палаты удовлетворил ходатайство заявителей о сохранении анонимности (пункт 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Заявителей, которым была предоставлена правовая помощь, представляла г-жа К. Скифакос (С. Skyfacos), адвокат, практикующая в Лимхамн. Правительство Швеции («Правительство») представлял уполномоченный правительства Швеции, г-н А. Рёнквист (А. Rönquist), Министерство иностранных дел.

3. Заявители утверждали, в частности, что их выдворение в Ирак приведет к нарушению статьи 3 Конвенции.

4. 18 сентября 2012 г. председатель Третьей Секции Суда принял решение о применении правила 39 Регламента Суда, указав Правительству, что заявителей не следует депортировать в Ирак в течение всего срока рассмотрения дела в Суде. Затем заявление было передано в производство Пятой Секции Суда (пункт 1 правила 52). 4 июня 2015 г. Палата этой Секции вынесла свое постановление, заседая в следующем составе: Марк Виллигер (Mark Villiger), председатель, Ангелика Нюссбергер (Angelika Nußberger), Боштьян М. Жупанчич (Boštjan M. Župančič), Винсент Е. Де Гаэтано (Vincent A. De Gaetano), Андре Потоцки (André Potocki), Хелена Ядерблом (Helena Jäderblom) и Алеш Пейхал (Aleš Pejchal), судьи, а также Милан Блашко (Milan Blaško), заместитель секретаря Секции. Палата единогласно признала приемлемой жалобу, касающуюся нарушения статьи 3 Конвенции, и постановила, пятью голосами против двух, что исполнение распоряжения о депортации заявителей не приведет к нарушению статьи 3. К постановлению прилагались особое мнение судьи Жупанчича, частично не совпадающее с позицией большинства состава суда, и заявление о несогласии судьи Де Гаэтано.

25 августа 2015 г. заявители обратились с ходатайством о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты в соответствии со статьей 43 Конвенции. 19 октября 2015 г. Коллегия Большой Палаты удовлетворила это ходатайство.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пункта 4 и пункта 5 статьи 26 Конвенции, а также с правилом 24 Регламента Суда. На последнем заседании по делу Сиофра О'Лири (Siofra O'Leary), запасной судья, заменила Андраша Шайо (András Sajó), который не смог принять участие в рассмотрении дела (пункт 3 правила 24).

6. Заявители и Правительство представили письменные замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

7. Публичные слушания проходили 24 февраля 2016 г. во Дворце прав человека в Страсбурге (пункт 3 правила 59).

В Суде выступали:

(a) *от имени Правительства:*

г-н А. Рёнквист (A. Rönquist), посол и генеральный директор по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, *уполномоченный*,

г-жа К. Фабиан (K. Fabian), заместитель директора, Министерство иностранных дел,

г-жа Х. Линдквист (H. Lindquist), специальный советник, Министерство иностранных дел,

г-жа А. Вилтон Вахрен (A. Wilton Wahren), заместитель генерального директора, Министерство юстиции,

г-жа Л. Оман Бристов (L. Oman Bristow), референт, Министерство юстиции,

г-жа А. Карландер Хемингуэй (A. Carlander Hemingway), начальник отдела, Шведская миграционная служба, *консультанты*;

(b) *от имени заявителей:*

г-жа К. Скифакос (C. Skyfacos), *адвокат*,

г-жа А. Нилссон (A. Nilsson), *консультант*.

Суд выслушал обращения г-на Рёнквиста, г-жи Скифакос и г-жи Нилссон, а также ответ г-на Рёнквиста на вопрос одного из судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявители, супружеская пара и их сын, 1964, 1965 и 2000 года рождения, соответственно.

A. Изложение событий в Ираке

9. Заявители выросли в Багдаде. Начиная с 1990-х годов муж (первый заявитель) управлял собственной компанией, которая предоставляла строительные и транспортные услуги исключительно американским клиентам. Офис компании располагался на территории военной базы США «Виктория Кэмп» (Victoria camp) (по-видимому, база «Кэмп Виктори» (Camp Victory)). Некоторые сотрудники компании периодически получали предупреждения не сотрудничать с американцами.

10. 26 октября 2004 года «Аль-Каида» совершила покушение на убийство первого заявителя, после чего он пролежал в больнице в течение трех месяцев. Там его искали неизвестные мужчины, после этого он лечился в трех разных больницах.

11. В 2005 году его брат был похищен членами «Аль-Каиды», которые угрожали его убить за то, что первый заявитель сотрудничает с американцами. Через несколько дней за брата отдали выкуп, и он немедленно бежал из Ирака. Заявители бежали в Иорданию и оставались там до декабря 2006 года, а затем вернулись в Ирак.

12. Вскоре после этого члены «Аль-Каиды» заложили бомбу возле дома заявителей. Однако ее обнаружила жена первого заявителя (второй заявитель), и американские военные арестовали преступника. В ходе допроса преступник признался, что «Аль-Каида» заплатила ему за убийство первого заявителя, и назвал имена шестнадцати человек, которым было поручено следить за заявителями. После этого заявители переехали в Сирию, хотя первый заявитель продолжил свой бизнес в Ираке. Тем временем «Аль-Каида» уничтожила дом и товарные склады первого заявителя.

13. В январе 2008 года заявители вернулись в Багдад. В октябре 2008 года машину, в которой находился первый заявитель со своей дочерью, обстреляли. Его дочь была доставлена в больницу, где умерла. После этого первый заявитель бросил работу, а семья несколько раз меняла место жительства в Багдаде. Члены "Аль-Каиды" четыре или пять раз совершали нападения на товарные склады заявителя и угрожали охране. Первый заявитель утверждал, что с 2008 года он не получал личных угроз, поскольку семья неоднократно переезжала. Сын (третий заявитель) большую часть времени проводил в доме, опасаясь нападений, и ходил в школу только на выпускные экзамены. Заявители никогда не обращались за защитой к национальным властям, опасаясь, что власти не смогут их защитить и раскроют информацию об их адресе, поскольку «Аль-Каида» сотрудничает с властями Ирака. Заявители утверждали, что в случае возвращения в Ирак они рискуют подвергнуться преследованию со стороны «Аль-Каиды» и что первый заявитель внесен в список приговоренных к смерти «Аль-Каидой».

В. Обычные процедуры предоставления убежища

14. 14 декабря 2010 г. первый заявитель обратился с ходатайством о предоставлении убежища и вида на жительство в Швеции. 11 июля 2011 г. его ходатайство было отклонено, поскольку по официальным данным он выехал из страны.

15. 25 августа 2011 г. первый заявитель вновь подал ходатайство о предоставлении убежища и вида на жительство в Швеции, что 19 сентября 2011 г. сделали и остальные заявители. Что касается состояния их здоровья, то после ранения, полученного в 2004 году, у первого заявителя все еще оставалась открытая и инфицированная рана в области живота. Заявители представили ряд документов, в том числе удостоверение личности, свидетельство о смерти дочери первого заявителя и второй заявительницы, а также медицинскую справку о ранении первого заявителя.

16. 26 сентября 2011 г. все три заявителя прошли предварительное собеседование в Миграционной службе (*Migrationsverket*). Впоследствии первый и второй заявители прошли еще одно собеседование 11 октября 2011 г., которое продолжалось почти три с половиной часа. Третий заявитель прошел краткое собеседование во второй раз, с первым заявителем собеседование было проведено третий раз. Заявителям была предоставлена помощь назначенного государством адвоката.

17. 22 ноября 2011 г. Миграционная служба отклонила ходатайства заявителей о предоставлении убежища. В отношении способности иракских властей обеспечить защиту

от преследования со стороны негосударственных субъектов Миграционная служба заявила:

«...»

У каждого гражданина должен быть доступ к органам полиции, которые находятся на разумном расстоянии. За последние несколько лет в полиции приняты многочисленные меры, направленные на борьбу с коррупцией, связями с кланами и вооруженными группировками, а также с преступностью в чистом виде в рядах полиции.

Тем не менее, информация о текущей ситуации в стране свидетельствует о серьезных недостатках в работе полиции по расследованию на месте преступления и дознанию. Одна из причин, вероятно, заключается в том, что многие сотрудники служат в полиции относительно недавно и не имеют опыта, а также в том, что потребуется время для внедрения нового метода расследования на основе технических доказательств. Эта проблема, естественно, усугубляется тем, что многие полицейские живут под угрозой расправы, исходящей от различных террористических группировок, что, вероятно, снижает эффективность их работы. Тем не менее, информация о текущей ситуации в стране показывает, что за последние несколько лет значительно возросло количество подозреваемых лиц, которые были привлечены к ответственности. Если в конечном счете хотя бы менее половины всех подозреваемых привлекаются к ответственности - это уже достижение.

Иракские силовые структуры были значительно усилены, и у них больше нет недостатка в кадрах. Значительно более редкими стали случаи проникновения в полицию агентов террористических группировок, которые ранее были широко распространены. Ведущие представители полиции заявили о своей готовности и стремлении поддерживать общую безопасность в Ираке. Текущая информация о стране также свидетельствует о том, что «Аль-Каида» стало сложнее свободно действовать в Ираке, а также о значительном снижении уровня межконфессионального насилия. В настоящее время объекты насилия – это в основном отдельные лица, особенно государственные служащие, сотрудники полиции, силовых структур и представители некоторых меньшинств.

...».

Что касается определения статуса беженца заявителей, а также оценки их потребности в альтернативных формах защиты, Миграционная служба постановила следующее:

«...»

Миграционная служба отмечает, что до 2008 года у [первого заявителя] был контракт с американцами. В связи с этим на [первого заявителя] было совершено два покушения на убийство, его брата похитили, а дочь [первого и второго заявителей] убили. Кроме того, несколько раз был нанесен материальный ущерб дому и складу [первого заявителя]. [Первый и второй заявителями] убеждены, что за этими нападениями стоит «Аль-Каида». Семья также боится «Аль-Каиды» в случае их возвращения в Ирак.

Миграционная служба отмечает, что [первый заявитель] прекратил работать для американцев в 2008 году после убийства дочери [его и второго заявителя]. Далее Миграционная служба отмечает, что [первый заявитель] оставался в Багдаде до декабря 2010 года и что [второй и третий заявителями] проживали в Багдаде до сентября 2011 года. В течение этого времени они не подвергались каким-либо прямым нападениям. Тем не менее, [первому заявителю] четыре или пять раз опосредованно угрожали (через людей, охраняющих его склады). Кроме того, на склады были совершены нападения. [Первый и второй заявителями] объяснили, что им удалось избежать нападений, потому что они скрывались и неоднократно меняли место жительства в Багдаде. Миграционная служба отмечает, что [у первого и второго заявителей] есть две дочери, которые живут со своей бабушкой в Багдаде, а также замужняя дочь, которая живет в Багдаде со своей семьей. Эти члены семьи не подвергались угрозам или нападениям.

Миграционная служба отмечает, что нападения, которым, по мнению семьи, они могут подвергнуться, являются преступными деяниями, за совершение которых к ответственности обязаны привлекать власти их родной страны. В целях принятия решения о том, могут ли заявители воспользоваться защитой от нападений, которых они опасаются, Миграционная служба отмечает следующее.

В соответствии с принципом, согласно которому обосновать потребность в защите должен искатель убежища, а предоставить соответствующую информацию для оценки дела должен преимущественно заявитель, именно на заявителя должно возлагаться бремя предоставления информации касательно того,

что он или она не могут или не будут пользоваться доступной в Ираке защитой со стороны властей, например по причине серьезных опасений в отношении последствий. Кроме того, заявитель должен обосновать это заявление. Недостатки, которые все еще существуют в правовой системе Ирака, следует отметить и оценить в контексте индивидуальной оценки каждого дела о предоставлении убежища. Обстоятельства, на основании которых заявитель утверждает о недостаточности защиты со стороны властей, прежде всего, рассматриваются в обычном порядке. В тех случаях, когда предполагаемая угроза преследования или другого жестокого обращения исходит не от властей, что, как правило, имеет место в Ираке, заявитель должен продемонстрировать, какие усилия он (она) прилагали, чтобы получить защиту от властей. Заявитель может это сделать, используя доказательства или предоставляя достоверное изложение событий. При оценке в конкретном деле способности властей защитить человека от угроз насилия, исходящих от террористических группировок или неизвестных преступников, необходимо выполнить индивидуальную оценку ситуации конкретного лица, а также тяжести насилия или серьезности угроз, их характера и местности, в которой они могут быть реализованы (см. Миграционная служба, Юридическое заключение о защите со стороны властей Ирака, от 5 апреля 2011 г., Lifos 24948).

Миграционная служба считает, что с 2004 по 2008 годы семья подвергалась наиболее серьезным формам преследованиям (ytterst allvarliga övergrepp) со стороны «Аль-Каиды». Однако, это преследование имело место три года назад, а в настоящее время боевикам «Аль-Каиды» сложнее свободно действовать в Ираке. [Первый и второй заявителя] никогда не обращались к иракским властям за защитой. [Первый заявитель] утверждал, что у иракских властей нет возможности защитить его семью. Кроме того, он заявил, что не осмелился обратиться к властям, поскольку ему пришлось бы сообщить свой адрес, что могло привести к тому, что «Аль-Каида» смогла бы его найти. [Второй заявитель] заявил, что «Аль-Каида» сотрудничает с властями. Как указывалось ранее, Миграционная служба установила, что значительно более редкими стали случаи проникновения в полицию агентов террористических группировок, которые ранее были широко распространены. Учитывая тот факт, что [первый и второй заявителя] даже не пытались добиться защиты от иракских властей, Миграционная служба считает, что они не предоставили убедительных доказательств того, что в случае потенциальных угроз со стороны «Аль-Каиды» после их возвращения в Ирак у них не будет доступа к защите со стороны властей.

С учетом этого, Миграционная служба считает, что [первый и второй заявителя] не предоставили убедительных доказательств того, что иракские власти не могут и не желают защитить семью от преследования в значении статьи 1 главы 4 Закона об иностранцах или от жестокого обращения в значении подпункта 1 пункта 1 статьи 2 главы 4 (первая строка) Закона об иностранцах. В этом контексте Миграционная служба отмечает, что в настоящее время в Ираке нет вооруженного конфликта. Таким образом, Миграционная служба установила, что эту семью не следует рассматривать как беженцев или как нуждающихся в альтернативных или других формах защиты, вследствие чего у членов этой семьи нет права на статус беженца или статус альтернативной защиты.

Миграционная служба отмечает, что в Багдаде широко распространены случаи ожесточенных конфликтов между противоборствующими группировками. Тем не менее, исходя из приведенной аргументации, Миграционная служба считает, что эту семью нельзя рассматривать как нуждающуюся в защите по другим причинам в значении первой части статьи 2а главы 4 Закона об иностранцах. Таким образом, семья не имеет права на получение статуса, относящегося к какой-либо иной потребности в защите.

...».

В заключение Миграционная служба установила, что для выдачи семье видов на жительство оснований не было. С учетом этого, Миграционная служба отклонила ходатайство семьи и распорядилась депортировать их из Швеции в соответствии со статьей 1 главы 8 Закона об иностранцах.

18. Заявители подали апелляцию в Миграционный суд (*Migrationsdomstolen*), утверждая, что иракские власти не могли и не смогли бы их защитить. Они обращались в полицию после поджога их дома и первого товарного склада заявителя в 2006 и 2008 году, а также после убийства дочери первого и второго заявителей в 2008 году, но впоследствии не осмелились обращаться к властям, опасаясь раскрыть свое место жительства. К своим письменным представлениям они приложили переведенное письменное заявление, сделанное предположительно их соседом в Багдаде, который утверждал, что 10 сентября

2011 г. в 22:00 группа террористов в масках приходила искать первого заявителя и что сосед сказал им о переезде заявителей в неизвестное место. Сосед также заявил, что сразу после инцидента ему позвонил первый заявитель, и он сказал ему об этом инциденте. Заявители представили также переведенную справку с места жительства/отчет полиции, предположительно подтверждающие поджог дома террористической группировкой 12 ноября 2011 г. Кроме того, заявители представили DVD-диск с аудиовизуальной записью публичных телевизионных дебатов о коррупции и проникновении членов «Аль-Каиды» в иракскую администрацию. В этой связи заявители упомянули, что первый заявитель был участником публичных дебатов, которые транслировались каналом Альхурра (Alhurra) в Ираке 12 февраля 2008 г., то есть четырьмя годами ранее. Наконец, подавая разные медицинские справки, заявители утверждали, что здоровье первого заявителя ухудшилось и он не сможет получить надлежащее стационарное лечение в Ираке.

Миграционная служба сделала представления в Миграционный суд. В частности, Миграционная служба отмечала, что поданные документы касательно предполагаемых инцидентов 10 сентября и 12 ноября 2011 года были просты по сути и имеют небольшую ценность как доказательства.

19. 23 апреля 2012 г. Миграционный суд оставил без изменений решение Миграционной службы. Что касается потребности в защите, суд постановил:

«В настоящем деле не вызывает сомнений, что основания заявителей для предоставления защиты должны быть рассмотрены применительно к Ираку. Общая ситуация в Ираке не такова, чтобы автоматически предоставить заявителям право на получение вида на жительство. Таким образом, необходимо осуществить индивидуальную оценку оснований для предоставления защиты, на которые ссылаются заявители.

Заявители утверждали, что они нуждаются в защите после возвращения в Ирак, поскольку рискуют подвергнуться жестокому обращению со стороны «Аль-Каиды» из-за того, что до 2008 года компания [первого заявителя] работала по контракту с американцами в Ираке.

Миграционный суд считает, что предполагаемые события имели место в отдаленном прошлом, что сложно понять, почему угроза по-прежнему существует, если [первый заявитель] больше не выполняет такую работу, а также что представляется вероятным [*framstår som troligt*], что правоохранительные органы Ирака готовы и способны предложить заявителям необходимую защиту, в случае если некоторые угрозы все еще существуют.

...».

20. Заявители подали апелляцию в Апелляционный суд по вопросам миграции (*Migrationsöverdomstolen*). 9 августа 2012 г. их ходатайство о разрешении на подачу апелляции было отклонено.

С. Чрезвычайные процедуры

21. 29 августа 2012 г. заявители подали в Миграционную службу ходатайство о пересмотре их дела. Они утверждали, что первому заявителю угрожает опасность со стороны «Аль-Каиды» из-за его политической активности. Они приложили видеозапись интервью с первым заявителем на английском языке, видеозаписи демонстрации и телевизионных дебатов.

22. 26 сентября 2012 г. Миграционная служба отклонила ходатайство заявителей. Заявители не стали обжаловать это решение в Миграционном суде.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

23. Основные положения, применимые в настоящем деле, которые касаются права иностранцев на въезд и пребывание в Швеции, закреплены в Законе об иностранцах (*Utlänningslagen*, Закон №2005:716).

24. Иностранец, который считается беженцем или нуждающимся в защите по другим причинам, имеет, за некоторыми исключениями, право на получение вида на жительство в Швеции (статья 1 главы 5 Закона). Термин «беженец» относится к иностранцу, который находится за пределами страны своей гражданской принадлежности вследствие обоснованного опасения стать жертвой преследования на основании расы, национальности, религиозных или политических убеждений либо на основании гендерной принадлежности, сексуальной ориентации или принадлежности к определенной социальной группе и который не может или, вследствие таких опасений, не желает воспользоваться защитой этой страны (статья 1 главы 4). Это применимо независимо от того, осуществляется ли преследование властями страны или же от этих властей нельзя ожидать предложения защиты от преследования со стороны частных лиц. Под выражением «иностранец, под другим причинам нуждающийся в защите» понимается, в частности (*inter alia*), лицо, покинувшее страну своей гражданской принадлежности вследствие обоснованного опасения быть приговоренным к смертной казни или получению телесного наказания или обоснованного опасения подвергнуться пыткам или другому бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию (статья 2 главы 4).

25. Более того, если вид на жительство не может быть предоставлен на указанных выше основаниях, такой вид на жительство может быть выдан иностранцу, если после осуществления общей оценки его (ее) ситуации будут выявлены такие тяжелые обстоятельства (*synnerligen ömmande omständigheter*), которые позволяют ему остаться в Швеции (статья 6 главы 5).

26. Что касается исполнения распоряжения о депортации или высылке, следует принимать во внимание риск смертной казни или применения пыток и другого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Согласно специальному положению о факторах, препятствующих исполнению, иностранца нельзя отправлять в какую-либо страну, если имеются разумные основания полагать, что ему (ей) будет угрожать опасность подвергнуться смертной казни, телесному наказанию, пыткам или другому бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (статья 1 главы 12). Кроме того, в принципе, не допускается отправка иностранца в страну, где он (она) рискует подвергнуться преследованию (статья 2 главы 12).

27. При определенных условиях иностранцу может быть предоставлен вид на жительство, даже если распоряжение о депортации или высылке вступило в законную силу. Это может иметь место при возникновении новых обстоятельств, указывающих на наличие разумных оснований полагать, в частности (*inter alia*), что выполнение распоряжения может подвергнуть иностранца опасности применения смертной казни, телесных наказаний, пыток или другого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, либо при наличии медицинских или других особых оснований, по которым это распоряжение не следует исполнять (статья 18 главы 12). Если вид на жительство не может быть предоставлен по этим критериям, Миграционная служба может принять решение о пересмотре дела. Подобный пересмотр осуществляется, если на основании заявленных иностранцем новых обстоятельств можно предположить наличие долговременных препятствий для исполнения, которые упоминаются в статьях 1 и 2 главы 12, а также если об этих обстоятельствах невозможно было сообщить раньше либо если иностранец приведет убедительные причины, по которым он (она) не сделали этого ранее.

Если соответствующие условия не выполняются, Миграционная служба принимает решение отказать в пересмотре дела (статья 19 главы 12).

28. Вопросы, касающиеся права иностранцев на въезд и пребывание в Швеции, рассматриваются тремя органами: Миграционной службой, Миграционным судом и Апелляционным судом по вопросам миграции.

29. Распоряжение о депортации или высылке, не считая нескольких исключений, не имеющих отношения к настоящему делу, может быть исполнено только после вступления в законную силу. Таким образом, обжалование в судах решения Миграционной службы по ходатайству о предоставлении убежища и вида на жительство в рамках обычных процедур имеет автоматическое приостанавливающее действие. Если иностранец подает ходатайство в соответствии с положениями статьи 18 или 19 главы 12 после вступления в законную силу решения, вынесенного в рамках обычных процедур, Миграционная служба должна принять решение о том, следует ли приостановить исполнение (*inhibition*) ввиду представленных новых обстоятельств. Соответственно, такое ходатайство не имеет автоматического приостанавливающего действия, как и обжалование в суде решения, принятого Миграционной службой в соответствии со статьей 19 (решения, принятые по статье 18, обжалованию не подлежат).

III. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СИТУАЦИИ В ИРАКЕ

30. Подробную информацию об общей ситуации с правами человека в Ираке и о возможности внутреннего перемещения в Иракский Курдистан можно найти, в частности (*inter alia*), в деле «М.У.Н. и другие против Швеции» (M.U.N. and Others v. Sweden) (заявление №50859/10, п.п. 20-36, 27 июня 2013 г.) и в деле «А.А.М. против Швеции» (A.A.M. v. Sweden) (заявление №68519/10, п.п. 29-39, 3 апреля 2014 г.). Изложенная ниже информация касается событий, имевших место после даты вынесения последнего постановления - 3 апреля 2014 г.

А. Общая ситуация с безопасностью

31. После столкновений, начавшихся в декабре 2013 года, Исламское государство Ирака и аль-Шама (ИГИШ – известное также под названием Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)) и его союзники в середине июня 2014 года начали крупную наступательную операцию в северном Ираке против иракского правительства, в ходе которой захватили Самарру, Мосул и Тикрит.

32. Согласно брифингу организации «Эмнести Интернэшнл» (Amnesty International) под названием «Northern Iraq: Civilians in the line of fire» [Северный Ирак: гражданские лица на линии огня] от 14 июля 2014 г.:

«Захват Мосула, второго по величине города Ирака, а также других городов и сел в северо-западном Ираке, который в начале июня был осуществлен Исламским государством Ирака и аль-Шама (ИГИШ), привел к резкому возобновлению межконфессиональной напряженности и массовому перемещению общин, опасаящихся нападений и репрессий на межконфессиональной почве. Практически все несуннитское население Мосула, Таль-Афара и прилегающих районов, перешедших под контроль ИГИШ, бежало после того, как начались убийства, похищения, угрозы и нападения на их собственность и места отправления религиозных обрядов.

Трудно установить истинный масштаб убийств и похищений, совершенных ИГИШ. «Эмнести Интернэшнл» собрала доказательства о множестве случаев. До сих пор ИГИШ, по-видимому, не совершало массовых нападений на гражданских лиц, но выбор в качестве целей мусульман-шиитов и шиитских святынь вызвал страх и панику среди шиитской общины, которая составляет большинство населения Ирака, но является меньшинством в регионе. Это привело к массовому бегству мусульман-шиитов, а также представителей других меньшинств, таких как христиане и езиды. Мусульмане-

сунниты, которые считались противниками ИГИШ, сотрудники сил безопасности, государственные служащие, и те, кто ранее сотрудничал с американскими войсками, тоже бежали из региона - некоторые после нападений боевиков ИГИШ на них и их родственников.

ИГИШ призвало «раскаяться» бывших сотрудников сил безопасности и других лиц, которые считались участвовавшими в репрессиях правительства, и пообещало не причинять раскаявшимся вреда. Этот процесс предполагает публичное заявление о раскаянии (*towba*), по сути, влекущее за собой присягу на верность и повиновение ИГИШ, что происходит в специально предназначенных для этой цели мечетях. Многие из тех, кто остался в контролируемых ИГИШ районах, принимают предложение публичного покаяния. Однако эта практика не лишена рисков, поскольку позволяет ИГИШ собирать имена, адреса, идентификационные номера и другие данные тысяч мужчин, которых впоследствии ИГИШ может решить подвергнуть преследованию.

Тем временем «Эмнести Интернэшнл» собрала доказательства, свидетельствующие о практике внесудебных казней задержанных лиц, совершаемых иракскими правительственными силами и шиитскими ополченцами в городах Таль-Афар, Мосул и Бакуба. Авиаудары иракских правительственных сил по контролируемым ИГИШ районам также привели к гибели и ранениям десятков гражданских лиц. При этом некоторые авиаудары были неизбирательными.

Этот брифинг основан на материалах двухнедельного расследования, проведенного в северном Ираке, в ходе которого представители «Эмнести Интернэшнл» посетили города Мосул, Киркук, Дахук и Эрбиль, а также близлежащие города и села в этих районах и лагеря для перемещенных лиц в Аль-Хазере / Калаке и Гармаве, где встретились с выжившими и родственниками жертв нападений, совершенных как ИГИШ, так и правительственными войсками и союзными ополченцами, с гражданскими лицами, перемещенными в результате конфликта, членами и представителями меньшинств, религиозными деятелями, представителями местных организаций гражданского общества, сотрудниками международных организаций, оказывающих помощь перемещенным лицам, и с военными командирами формирований «Пешмерга». Все интервью, упоминаемые в документе, проведены в ходе этих встреч.

...

Организация «Эмнести Интернэшнл» считает, что все стороны конфликта совершили нарушения международного гуманитарного права, включая военные преступления, а также грубые нарушения прав человека. Более того, их нападения приводят к массовому перемещению гражданских лиц.

Когда вооруженные субъекты действуют в населенных жилых районах, воюющие стороны должны принимать все возможные меры предосторожности, чтобы свести к минимуму нанесение ущерба гражданским лицам. Они должны принять меры предосторожности для защиты гражданских лиц и гражданских объектов, находящихся под их контролем, от последствий нападений противника, в том числе избегать, в максимально возможной степени, размещения военных целей в густонаселенных районах или поблизости от них. Согласно международному гуманитарному праву прямо запрещается тактика использования «живых щитов» для предотвращения нападений на военные объекты. Однако, тот факт, что одна из сторон не отделяет своих бойцов от гражданских лиц и гражданских объектов, не освобождает ее противника от обязанности, согласно международному гуманитарному праву, направить нападения только на комбатантов и на военные цели, а также принимать все необходимые меры предосторожности во время нападений, чтобы защитить гражданских лиц и гражданские объекты. Международное гуманитарное право запрещает преднамеренные нападения, направленные на гражданских лиц, не принимающих участия в военных действиях, неизбирательные нападения (без различия гражданских и военных целей) и несоразмерные нападения (которые, как можно ожидать, повлекут за собой нанесение случайного ущерба гражданским лицам, который будет чрезмерным по отношению к предполагаемому конкретному и непосредственному военному преимуществу). Такие нападения представляют собой военные преступления. Эти нормы в равной степени, в любое время и без исключения применяются ко всем участникам вооруженных конфликтов.

Вследствие конфликта в северном Ираке были перемещены сотни тысяч гражданских лиц, которые бежали в соседние курдские районы, находящиеся под управлением Регионального правительства Курдистана. Большинство из них живут в тяжелых условиях, некоторые - в лагерях для внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), другие укрываются в школах, мечетях, церквях и принимающих общинах. Вначале гражданским лицам, спасавшимся бегством после захвата ИГИШ больших районов северо-западного Ирака, разрешали въезд в Иракский Курдистан, но в последние недели Региональное правительство Курдистана строго ограничило въезд для иракцев, которые не являются курдами. Некоторые из бежавших ищут убежища в Иракском Курдистане, в то время как другие, в основном туркмены-шииты и шабаки, намерены отправиться далее на юг, в столицу и за ее пределы, где большинство населения составляют шииты и где они будут чувствовать себя в большей безопасности.

В то время как центральное правительство Ирака по-прежнему сталкивается с политическими и межконфессиональными разногласиями, а Региональное правительство Курдистана сосредоточено на присоединении большей территории к подконтрольным ему регионам, пострадавшим от конфликта иракским гражданским лицам все труднее найти защиту и помощь.

«Эмнести Интернэшнл» призывает все стороны конфликта немедленно прекратить убийства пленных и похищения гражданских лиц; всегда гуманно обращаться с задержанными; воздержаться от осуществления неизбирательных нападений, в том числе от использования артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок с применением неуправляемых бомб в районах с высокой концентрацией гражданских лиц. Организация повторяет свой призыв к Региональному правительству Курдистана - разрешить гражданским лицам, спасающимся бегством от боевых действий, независимо от их религии или этнической принадлежности, искать убежища в районах, контролируемых Региональным правительством Курдистана, а также разрешить таким лицам безопасный проход через эти районы».

33. В документе «Позиция Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) относительно возвращений в Ирак», датированном октябрём 2014 года, в числе прочего, говорится следующее:

«Введение

1. Со времени публикации в 2012 году «Руководящих принципов УВКБ ООН по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Ирака» и «Памятной записки УВКБ ООН, касающейся палестинских беженцев в Ираке» был отмечен новый всплеск насилия между иракскими силами безопасности и курдскими силами («Пешмерга»), с одной стороны, и группировкой «Исламское государство Ирака и аль-Шама» (далее – ИГИШ), действующей как на территории Ирака, так и Сирии, и связанными с ней вооруженными группами, с другой стороны. В результате этого всплеска насилия, включающего атаки террористов-смертников, минирование автомобилей, артиллерийские обстрелы, авиаудары и казни, ежедневно погибают и получают ранения гражданские лица. Сообщается, что в результате военных успехов ИГИШ правительство Ирака полностью или частично утратило контроль над значительной частью территории страны, в частности, в провинциях Анбар, Найнава, Салах Аль-Дин, Киркук и Дияла. Несмотря на то, что иракским силам безопасности и курдским силам, при поддержке авиаударов США, удалось вернуть контроль над некоторыми населенными пунктами, преимущественно расположенными вдоль внутренней границы с Иракским Курдистаном, общие линии фронта постоянно меняются. Конфликт, новый этап обострения которого начался в провинции Анбар в январе 2014 года и с тех пор распространился на территорию других провинций, классифицируется как немеждународный вооруженный конфликт. Количество жертв в 2014 году было наибольшим со времен межконфессионального конфликта 2006-2007 гг.

...

Позиция УВКБ ООН относительно возвращений

27. Поскольку ситуация в Ираке остается крайне изменчивой и нестабильной, а также учитывая информацию о том, что все части страны прямо или опосредованно затронуты продолжающимся кризисом, УВКБ ООН призывает государства воздержаться от принудительного возвращения выходцев из Ирака до наступления существенных улучшений в ситуации с безопасностью и правами человека. В нынешних обстоятельствах многие лица, спасающиеся бегством из Ирака, вероятно, соответствуют критериям статуса беженца, установленным Конвенцией 1951 г. Если при рассмотрении индивидуального дела выходца из Ирака установлено, что критерии согласно Конвенции 1951 года не применимы, вероятно, должны применяться расширенные критерии беженца, содержащиеся в соответствующих региональных документах, или вспомогательные формы защиты. В нынешних обстоятельствах, когда происходят массовые процессы внутреннего перемещения на фоне широкомасштабного гуманитарного кризиса, возрастающей межконфессиональной напряженности и сообщений об ограничении доступа, в частности в Иракский Курдистан, УВКБ ООН, в принципе, не считает приемлемым отказ со стороны государств в предоставлении международной защиты лицам из Ирака на основании применимости альтернативы бегства или перемещения внутри страны. В зависимости от того, к какой категории относится индивидуальное дело, может возникнуть необходимость рассмотрения вопросов об исключении.

34. Во Всемирном докладе «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch) за 2015 год по Ираку от 29 января 2015 г. сказано следующее:

«Злоупотребления со стороны сил безопасности и поддерживаемых правительством военизированных формирований»

В марте бывший премьер-министр Ирака Нури аль-Малики заявил старшим советникам по безопасности, что он сформирует новые силы безопасности, состоящие из бойцов трех военизированных формирований: Асаиб, Китаиб Хезболла и бригад Бадра. В то время, когда разгорался вооруженный конфликт между правительственными силами и повстанцами-суннитами, эти военизированные формирования похищали и убивали гражданских лиц из числа суннитов в провинциях Багдад, Дияла и Хилла.

Согласно показаниям свидетелей и сведениям, полученным из медицинских и официальных источников, проправительственные военизированные формирования несут ответственность за убийство 61 суннита с 1 июня по 9 июля 2014 г. и убийство не менее 48 суннитов в марте - апреле в селах и городах региона, называемого «Багдадским поясом». Десятки лиц, проживающих в пяти городах Багдадского пояса, заявляют, что силы безопасности вместе с поддерживаемыми правительством военизированными формированиями напали на их города, похищали и убивали местных жителей, поджигали их дома, скот и посевы.

Один из выживших в августовском нападении на суннитскую мечеть на востоке провинции Дияла рассказал, что боевики организации «Асаиб Ахль аль-Хакк» ворвались в мечеть во время пятничной молитвы, застрелили имама, а затем открыли огонь по остальным мужчинам в мечети, убив, по крайней мере, 70 человек. Трое других жителей Диялы сообщили, что боевики «Асаиб Ахль аль-Хакк» похитили и убили их родственников.

Иракские силы безопасности и связанные с правительством военизированные формирования несут ответственность за совершенные в июне незаконные казни, по крайней мере, 255 заключенных в шести иракских городах. Подавляющее большинство сотрудников сил безопасности и боевиков военизированных формирований являются шиитами, тогда как убитые заключенные были суннитами. По крайней мере, восемь убитых заключенных были мальчиками, которым не исполнилось 18 лет».

35. В оперативной сводке Информационного центра по вопросам беженцев и миграции Федерального ведомства Германии по вопросам миграции и беженцев от 9 февраля 2015 г. о ситуации в Ираке говорится следующее:

«Ситуация с безопасностью»

Продолжают поступать ежедневные сообщения о вооруженных столкновениях и атаках террористов-смертников. В результате теракта, совершенного смертником 9 февраля 2015 г. в Багдаде, погибло, по меньшей мере, 12 человек и более 40 человек получили ранения. Нападение было совершено в районе Кадхимия, где большинство населения составляют шииты. Пока никто не взял на себя ответственность за нападение. 7 февраля 2015 г. более 30 человек были убиты и более 70 получили ранения в результате терактов, совершенных смертниками в Багдаде. По сообщениям, большинство жертв были мусульманами-шиитами и сотрудниками службы безопасности.

7 февраля 2015 г. в Багдаде был отменен ночной комендантский час.

Сообщают, что с начала года Исламское государство (ИГ) убило 48 человек на своей территории в Ираке, подавляющее большинство из них в городе Мосул (провинция Найнава) и пригородах Мосула.

...».

36. В Докладе о соблюдении прав человека за 2014 год, опубликованном в феврале 2015 года, Государственный департамент США отметил в отношении Ирака следующее:

«Огромное количество серьезных нарушений прав человека совершено ИГИЛ. На систематической и широкомасштабной основе ИГИЛ нападает на правительственных чиновников и сотрудников сил безопасности, а также на гражданских лиц, особенно шиитов, на представителей религиозных и этнических меньшинств, женщин и детей. По сообщениям, в условиях дезорганизации обеспечения безопасности иракские силы безопасности (ISF) и шиитские военизированные формирования в меньших масштабах, но также совершают нарушения прав человека.

Эскалация дестабилизирующего насилия и боевых действий между правительственными силами и ИГИЛ в провинции Анбар, начавшаяся в конце 2013 года, за год распространилась на другие провинции. 9 июня ИГИЛ начало штурм Мосула, второго по величине города Ирака, и быстро

захватило его. Впоследствии войска ИГИЛ взяли под контроль крупные районы в провинциях Анбар, Найнава, Салах Аль-Дин и Дияла. Вооруженные столкновения между ИГИЛ и иракскими силами безопасности (ISF), в том числе вооруженными силами регионального правительства Курдистана «Пешмерга», привели к массовым перемещениям внутри страны. По оценкам ООН, по всей стране более двух миллионов человек были вынуждены спасаться бегством из своих домов. Гуманитарный кризис обострился в июле и августе, поскольку ИГИЛ нападало на представителей этнических и религиозных меньшинств, совершало акты гендерно-обусловленного насилия, продавало в рабство женщин и детей, вербовало детей-солдат и разрушало гражданскую инфраструктуру.

В Ираке по-прежнему существуют серьезные проблемы с соблюдением прав человека. Ситуация в стране дестабилизирована масштабными и частыми случаями убийств, подавляющее большинство которых совершили боевики ИГИЛ. К ним относятся массовое убийство 10 июня более 600 заключенных, преимущественно шиитов, в тюрьме Бадуш возле Мосула. Кроме того, члены ИГИЛ убивали, похищали и изгоняли из домов членов религиозных и этнических групп, в том числе христиан, шиитских шабаков, шиитских туркмен и езидов. Одновременно, но в гораздо меньших количествах, поступают непроверенные сообщения об убийствах заключенных-суннитов государственными субъектами и шиитскими военизированными формированиями».

37. 9 марта 2015 г. новостное интернет-издание (IraqiNews.com) сообщило, что начальник штаба сухопутных войск США Мартин Демпси (Martin Dempsey) на совместной пресс-конференции с министром обороны Ирака Халедом аль-Обейди (Khalid al-Ubaidi) заявил: «Защита г. Багдад и Мосульской плотины, а также района Хадиты входит в число приоритетных задач международной коалиции».

38. В документе «Информация о стране и рекомендации по ситуации с безопасностью в Ираке», опубликованном в ноябре 2015 года (раздел «Краткий обзор политики»), Министерство внутренних дел Великобритании заявило следующее:

«Ситуация с безопасностью в «спорных районах» Ирака, к которым относятся провинции Анбар, Дияла, Киркук, Найнава и Салах Аль-Дин, достигла такого уровня, что выдворение в эти районы повлекло бы нарушение пункта (с) статьи 15 Квалификационной директивы.

Ситуация с безопасностью в районах «Багдадского пояса» (районы, прилегающие к городу Багдад), граничащих с провинциями Анбар, Салах Аль-Дин и Дияла, достигла такого уровня, что выдворение в эти районы повлекло бы нарушение пункта (с) статьи 15 Квалификационной директивы.

В остальной части Ирака – в провинциях Багдад (включая город Багдад), Бабиль, Басра, Кербала, Наджаф, Мутанна, Ти-Кар, Миссан, Кадисия и Васит, а также в Иракском Курдистане, в состав которого входят провинции Эрбиль, Сулеймания и Дахук, неизбирательное насилие не достигает такого уровня, который обычно представляет собой опасность согласно пункту (с) статьи 15 Квалификационной директивы. Тем не менее, принимающие решения лица должны рассмотреть вопрос о наличии определенных факторов, касающихся индивидуальных обстоятельств конкретного человека, из-за которых он (она) может подвергнуться повышенной опасности.

Ситуация с безопасностью остается переменчивой и, выполняя оценку риска, принимающие решения лица должны учитывать актуальную информацию о стране».

В. Положение лиц, которые сотрудничали с иностранными вооруженными силами

39. В Информационном докладе о стране происхождения (по Ираку) от 10 декабря 2009 г. Министерство внутренних дел Великобритании сообщило следующее:

«... гражданские лица, работающие по найму или иным образом связанные с многонациональными силами в Ираке (MNF-I), рискуют подвергнуться нападению со стороны негосударственных субъектов. В тех регионах, где за последний год ситуация с безопасностью улучшилась, риски для связанных с MNF-I лиц в некоторой степени уменьшились, но по-прежнему значительны, учитывая сохраняющееся влияние экстремистских группировок. В районах, где сохраняется присутствие «Аль-Каиды в Ираке» (AQI) и других повстанческих группировок, в частности в провинциях Найнава и Дияла, риск подвергнуться нападению по-прежнему намного выше. Особенно рискуют лица, работающие для MNF-I в качестве переводчиков, учитывая их заметную роль и возможное участие в военных действиях, например, участие в арестах, рейдах или допросах повстанцев и членов вооруженных формирований.

По сообщениям, с 2003 года в Ираке были убиты около 300 переводчиков. Сохраняется также повышенный риск нападений в районах с высокой концентрацией иностранного персонала, например в международной зоне (IZ) или расположениях войск, в частности на контрольно-пропускных пунктах поблизости от этих объектов, а также при передвижении военных конвоев...

...

Иракские граждане, нанятые иностранными компаниями, подвергаются риску нападения за пределами безопасной территории, например международной зоны или военной базы.

40. В промежуточном отчете миссии по установлению фактов в Ираке от 14 января 2011 г., опубликованном Норвежским центром информации о странах происхождения (Landinfo) и Шведской миграционной службой, отмечается несколько инцидентов, в которых были убиты иракцы, работавшие на американцев. В США действовала программа помощи иракцам, которые получали угрозы в связи с работой в Посольстве США в Багдаде. Прием осуществлялся только после тщательной проверки, которая могла занять от трех до шести месяцев.

41. В Оперативной инструктивной записке по Ираку Министерства внутренних дел Великобритании от 22 августа 2014 г. отмечалось следующее:

«3.10.9. Заключение. В Ираке подвергаются риску преследования лица, которые, как считается, сотрудничают или сотрудничали с нынешним правительством Ирака и его учреждениями, с бывшими силами США / многонациональными силами или с иностранными компаниями. В их число входят также некоторые связанные с властями специалисты, в частности судьи, ученые, преподаватели и юристы. Заявитель, в отношении которого существует локальная угроза на основании того, что они считаются коллаборационистами, может переехать в регион, где такая локальная угроза не существует. Ответственный за рассмотрение дела обязан учесть конкретные обстоятельства заявителя, характер угрозы и область ее распространения, а также определить, не будет ли чрезмерно суровым ожидать от заявителя переезда. В зависимости от фактических обстоятельств дела ходатайство по этим основаниям может быть обоснованным, и предоставление статуса беженца в связи с фактическими или приписываемыми заявителю политическими убеждениями - целесообразным».

42. В докладе 2015 года по Ираку организации «Эмнести Интернэшнл» (Amnesty International) (перевод оригинала на немецком языке, размещенного по адресу: <https://www.amnesty.de/jahresbericht/2015/irak>) говорится:

«Солдаты ИГИШ убивали также суннитов, обвиняя их в недостаточной поддержке или утверждая, что они работали на иракское правительство или силы безопасности Ирака либо находились на службе у американских войск во время войны в Ираке».

С. Способность иракских властей защитить своих граждан

43. В докладе под названием «Ирак: Верховенство права, безопасность и правовая система», опубликованном Норвежским центром информации о странах происхождения (Landinfo) и Миграционной службой 5 мая 2014 г., говорится следующее:

«Иракская конституция 2005 года гарантирует систему безопасности, защищенную аполитичными и религиозно незаангажированными силами безопасности. Численность этих сил достаточна для эффективной защиты народа Ирака. Однако эту картину затмевает политизация и отсутствие надлежащей подготовки иракских сил безопасности (ISF), коррупция, межконфессиональная рознь.

Правовая система также определяется в конституции, где она описывается как независимая система, превыше всех правомочий, кроме закона. Однако на самом деле у полиции и судов (и других учреждений) все еще имеются недостатки.

Поскольку регулярная полиция считается самым коррумпированным институтом системы безопасности и правовой системы, люди опасаются сообщать о преступлениях, несмотря на признаки того, что сегодня полиция работает лучше, чем в 2010 году.

Коррупция среди судей, по-видимому, менее распространена, чем в полиции, но судебная система не является независимой, как предусмотрено конституцией, и ситуация не изменилась по сравнению с 2010 годом. На суды может оказываться давление со стороны влиятельных политиков, племенных

кланов и других субъектов (например, боевиков и преступников). Значительная нехватка судей в сочетании с многочисленными арестами из-за беспорядков привела к большой загруженности судов, что негативно сказывается как на обвиняемых, так и на потерпевших.

Задерживается не только рассмотрение дел, но и принятие законопроектов, что не укрепляет верховенство права. Например, все еще не принят предусмотренный конституцией закон, регулирующий деятельность судебной системы.

Имеются некоторые средства правовой защиты, позволяющие подавать жалобы на действия властей, но, возможно, самый важный институт для рассмотрения этих жалоб - созданная в 2012 году Высокая комиссия по правам человека - по-прежнему не функционирует должным образом.

Средства правовой защиты в отношении коррупции сегодня менее эффективны, чем в 2010 году, в основном из-за политического вмешательства и ограниченности возможностей.

Существуют правовые меры для привлечения к ответственности совершающих правонарушения чиновников, но реализовать эти меры не всегда легко, даже при наличии воли.

В целом, ухудшившаяся ситуация с безопасностью и политическое «перетягивание каната» оказывают взаимное влияние друг на друга, что приводит к недостаткам в области потенциала и целостности иракской системы безопасности и правовой системы – большим, чем в 2010 году, когда мы последний раз проводили оценку ситуации с верховенством права в Ираке. Система все еще работает, но количество недостатков, похоже, увеличивается».

44. В Докладе о соблюдении прав человека за 2014 год, опубликованном в феврале 2015 года, Государственный департамент США отметил следующее касательно роли полиции и аппарата сил безопасности в Ираке:

«В результате нападений и наступательных операций Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) в течение года правительство утратило эффективный контроль над большими районами страны, где проживают преимущественно арабы-сунниты, а также над некоторыми районами смешанного проживания суннитов и шиитов. Контроль над силами безопасности осуществлялся непоследовательно, а ухудшение ситуации с безопасностью привело к повторному формированию военизированных формирований шиитов, которые по большей части действуют не подконтрольно правительству.

...

Широко распространенная коррупция на всех уровнях государственного управления и общества усугубляет ситуацию с недостаточно эффективной защитой прав человека.

...

Международные правозащитные организации критиковали все более религиозно мотивированный характер деятельности военизированных формирований и отсутствие достаточного государственного надзора. Премьер-министр Аль-Абади неоднократно призывал к ликвидации независимых военизированных формирований и приказал перевести все военизированные формирования под контроль иракских сил безопасности (ISF). Шиитские религиозные лидеры также призвали добровольцев-шиитов вести борьбу под командованием сил безопасности и осудили насилие по отношению к гражданским лицам, в том числе уничтожение личного имущества. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев шиитские боевики действовали независимо, без контроля или руководства со стороны правительства.

...

Сохраняющиеся проблемы в полицейских силах в провинциях страны включают коррупцию и нежелание некоторых полицейских служить за пределами родных районов. В армии и федеральной полиции набор и распределение солдат и полицейских осуществлялись на общенациональной основе, что уменьшало вероятность коррупции, связанной с личными связями с племенными кланами или вооруженными формированиями. Однако в результате применения такой практики начались жалобы местных сообществ на злоупотребления со стороны военнослужащих армии и полиции вследствие этнических и религиозных различий.

Силы безопасности не прилагали достаточных усилий для предотвращения насилия в обществе или для реагирования на его проявления».

D. Внутреннее перемещение в Ираке

45. В документе Министерства внутренних дел Великобритании «Информация о стране и рекомендации по Ираку касательно перемещения внутри страны (и технических препятствий)», изданном 24 декабря 2014 года, в разделе «Краткий обзор политики» содержится следующая информация:

«Меры по возвращению из Великобритании»

1.4.1 Действующие меры по возвращению в Ирак из Великобритании через Эрбиль или Багдад не являются нарушением статьи 3 Европейской конвенции по правам человека.

Получение гражданских документов по новому месту жительства

1.4.2 Удостоверение личности с указанием гражданского состояния и свидетельство о гражданстве – два наиболее важных гражданских документа, поскольку они прямо или косвенно обеспечивают доступ к целому ряду экономических и социальных прав.

1.4.3 Лица, которые вернулись в Ирак и не смогли заменить удостоверение личности с указанием гражданского состояния или свидетельство о гражданстве, вероятно, столкнутся со значительными трудностями в доступе к услугам и с обеспечением средств к существованию, и окажутся в нищете, которая, вероятно, достигнет порогового уровня применения статьи 3.

1.4.4 Тем не менее, лица из неоспариваемых районов Ирака, которые возвращаются в Эрбиль или Багдад, как правило, могут повторно получить удостоверение личности с указанием гражданского состояния, свидетельство о гражданстве и другие гражданские документы, вернувшись в регионы происхождения либо обратившись в соответствующие государственные и негосударственные учреждения в неоспариваемых районах.

1.4.5 Лица из спорных районов Ирака, которые возвращаются в Багдад, как правило, могут повторно получить удостоверение личности с указанием гражданского состояния, свидетельство о гражданстве и другие гражданские документы, обратившись в соответствующие учреждения в Багдаде и Наджафе.

1.4.6 Лица, пребывающие в Великобритании и желающие получить новое удостоверение личности с указанием гражданского состояния и свидетельство о гражданстве, могут обратиться за помощью в посольство Ирака в Лондоне при условии, что они могут сначала подтвердить свою личность. Как правило, такая возможность имеется у принудительно возвращаемых в Багдад лиц, поскольку у них есть действительный или просроченный паспорт или пропуск.

1.4.7 Лица, которые не могут подтвердить свою личность в иракском посольстве, могут получить документы с помощью доверенного лица в Ираке, например, родственника или адвоката, имеющего доверенность.

Перемещение в Иракский Курдистан

1.4.8 Лица, являющиеся выходцами из Иракского Курдистана, как правило, могут переехать в другую область Иракского Курдистана.

1.4.9 Этнические курды, являющиеся выходцами не из Иракского Курдистана, которые возвращаются в Багдад, как правило, могут переехать в Иракский Курдистан при условии, что они сначала легализуют свои документы в Багдаде (или в другом месте).

1.4.10 Перемещение внутри страны, как правило, будет разумной альтернативой для лиц, не являющихся этническими курдами, но имеющих устоявшиеся семейные или другие связи в Иракском Курдистане (например, клановые связи или связи на прошлом месте работы).

1.4.11 Внутреннее перемещение в Иракский Курдистан лиц арабского или туркменского этнического происхождения является проблематичным. Внутреннее перемещение в Багдад или на юг страны с большей вероятностью будет целесообразным. Если это нецелесообразно из-за конкретных обстоятельств дела, то, возможно, таким лицам уместно предоставить защиту.

Перемещение в Багдад и на юг страны

1.4.12 У арабов-суннитов, курдов и шиитов, как правило, имеется возможность перебраться в Багдад, где проживает значительное количество внутренне перемещенных арабов-суннитов.

1.4.13 Мусульмане-шииты, желающие переехать, могут перебраться в южные провинции. Мусульмане-сунниты могут переехать на юг страны.

1.4.14 В целом, в настоящее время нет непреодолимых барьеров, препятствующих переселению иракских граждан в Багдад или в южные провинции, хотя в каждом случае следует принимать решение с учетом индивидуальных обстоятельств дела».

46. В документе Министерства внутренних дел Великобритании «Информация о стране и рекомендации по Ираку касательно перемещения внутри страны (и технических препятствий)», изданном в ноябре 2015 года, в разделе «Краткий обзор политики» содержится следующая информация:

«Возможность перемещения внутри страны»

В целом, имеется возможность перемещения в Багдад из Анбара, Диялы, Киркука (Тамина), Найнавы и Салах Аль-Дина, а также из северной, западной и восточной части «Багдадского пояса» («спорные районы»). Тем не менее, принимающие решения лица должны учитывать все соответствующие личные факторы, которые будут влиять на возможность перемещения человека, а также актуальную информацию о стране.

В южных провинциях (Басра, Кербала, Наджаф, Мутана, Ти-Кар, Миссан, Кадисия и Васит) не достигнут пороговый уровень применения пункта (с) статьи 15, и обычным гражданским лицам, прибывающим из Багдада в эти районы, не угрожает опасность причинения вреда. В целом, вероятно, людям из «спорных районов» (или других мест) было бы целесообразно переехать в Багдад, хотя лица, принимающие решения, должны учитывать индивидуальные обстоятельства человека и актуальную информацию о стране.

В Иракский Курдистан, как правило, могут переехать иракские курды из Иракского Курдистана, а также курды не из Иракского Курдистана, через Багдад, хотя лица, принимающие решения, должны учитывать соответствующие факторы, которые будут влиять на их возможность перемещения.

В целом, лицам, которые не являются курдами и выходцами из Иракского Курдистана, нецелесообразно переезжать в Иракский Курдистан.

«Осуществимость возвращения»

Человека могут вернуть в Багдад, только если у него (нее) есть действующий или просроченный иракский паспорт или пропуск. При отсутствии одного из этих документов возвращение не является «осуществимым».

Отсутствие этих проездных документов является техническим препятствием для возвращения, но не основанием для предоставления защиты.

При рассмотрении вопроса о предоставлении защиты наличие документов (или их отсутствие) может приниматься во внимание только в том случае, когда возвращение осуществимо (то есть лицо имеет или может получить действующий или просроченный паспорт или пропуск).

Лица, являющиеся выходцами из Иракского Курдистана, которые предварительно получили разрешение курдских властей, возвращаются в аэропорт города Эрбиль, и им не требуется паспорт или пропуск».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

47. Статья 4 Директивы Совета ЕС 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержания предоставляемой защиты (переработанная согласно Директиве 2011/95/ЕС от 13 декабря 2011 г.; далее – «Квалификационная директива») предусматривает:

«Оценка фактов и обстоятельств»

1. Государства-члены ЕС могут считать обязанностью заявителя как можно скорее предоставить все элементы, необходимые для обоснования его/ее ходатайства о предоставлении международной защиты. Государства-члены ЕС обязаны оценить все соответствующие элементы ходатайства в сотрудничестве с заявителем.

2. К упомянутым в пункте 1 элементам относятся утверждения заявителя и все имеющиеся в распоряжении заявителя документы относительно его/ее возраста, биографических данных, в том числе этих данных соответствующих родственников, личности, гражданства (гражданств), страны (стран) и места (мест) предыдущего проживания, предыдущих ходатайств о предоставлении убежища, маршрутов передвижения, проездных документов, а также информация относительно причин обращения за международной защитой.

3. Оценка ходатайства о предоставлении международной защиты должна проводиться в индивидуальном порядке, в ходе оценки учитывается следующее:

(а) все относящиеся к делу факты касательно страны происхождения на момент принятия решения по ходатайству, включая законы и нормативные акты страны происхождения, а также порядок их применения;

(b) соответствующие заявления и документы, представленные заявителем, включая информацию о том, был ли заявитель (или может быть) объектом преследования или причинения серьезного вреда;

(с) индивидуальное положение и личные обстоятельства заявителя, включая такие факторы, как биографические данные, гендерная принадлежность и возраст, чтобы на основании личных обстоятельств заявителя оценить, приравниваются ли те действия, которым подвергался или мог подвергнуться заявитель, к преследованию или причинению серьезного вреда;

(d) были ли действия заявителя после выезда из страны происхождения направлены исключительно или главным образом на создание необходимых условий для обращения за международной защитой, чтобы оценить, повлечет ли такая деятельность преследование заявителя или причинение ему серьезного вреда в случае возвращения в такую страну;

(е) можно ли обоснованно ожидать, что заявитель воспользуется защитой другой страны, гражданство которой он/она могли бы получить.

4. Тот факт, что заявитель уже подвергался преследованию или причинению серьезного вреда либо прямым угрозам такого преследования или серьезного вреда, является серьезным признаком наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования или реальной опасности причинения ему серьезного вреда, при отсутствии убедительных причин полагать, что такое преследование или причинение серьезного вреда больше не повторятся.

5. Если государства-члены ЕС применяют принцип, в соответствии с которым на заявителя возлагается обязанность обосновать свое ходатайство о предоставлении международной защиты и если некоторые аспекты его/ее утверждений не подтверждены документальными или иными доказательствами, то такие аспекты не нуждаются в подтверждении при соблюдении следующих условий:

(а) заявитель предпринял реальные усилия для обоснования своего ходатайства;

(b) были поданы все имеющиеся в распоряжении заявителя и относящиеся к делу элементы и предоставлены удовлетворительные пояснения касательно отсутствия других относящихся к делу элементов;

(с) установлено, что утверждения заявителя последовательны, правдоподобны и не противоречат общей и конкретной информации, относящейся к делу заявителя;

(d) заявитель обратился за международной защитой при первой возможности, за исключением тех случаев, когда заявитель представил уважительные причины, по которым он этого не сделал, и

(е) установлено, что в целом заявитель заслуживает доверия».

48. Необходимый уровень защиты определен в статье 7 Квалификационной директивы:

«1. Защита от преследования или причинения серьезного вреда может предоставляться только:

(а) государством; или

(b) партиями или организациями, включая международные организации, контролирующими такое государство или же значительную часть его территории;

при условии, что они готовы и способны предоставить защиту в соответствии с пунктом 2.

2. Защита от преследования или серьезного вреда должна быть эффективной и не должна иметь временного характера. Такая защита обычно предоставляется, если упоминаемые в подпунктах (а) и (b) пункта 1 субъекты предпринимают необходимые меры для предотвращения преследования или причинения серьезного вреда, в частности, путем применения эффективной правовой системы для выявления, привлечения к ответственности и наказания за деяния, составляющие преследование или причинение серьезного вреда, а также если у заявителя имеется доступ к такой защите.

3. При оценке того, контролирует ли международная организация государство или значительную часть его территории и предоставляет ли защиту, как описано в пункте 2, Государства-члены ЕС должны принимать во внимание любые указания, которые могут быть представлены в соответствующих актах Евросоюза».

49. В деле «М.М. против Министра по вопросам юстиции, равенства и правовой реформы и других» (M.M. v. Minister for Justice, Equality and Law Reform and Others), (дело C-277/11, постановление от 22 ноября 2012 г.) Суд Европейского Союза (далее «СЕС») постановил:

«63. Как видно из ее названия, статья 4 Директивы 2004/83 касается «оценки фактов и обстоятельств».

64. В действительности эта «оценка» производится в два отдельных этапа. Первый этап касается установления фактических обстоятельств, которые могут послужить доказательствами, подтверждающими поданное ходатайство, в то время как второй этап связан с правовой оценкой этих доказательств, которая влечет за собой принятие решений о том, выполняются ли, с учетом конкретных фактов по данному делу, существенные условия для предоставления международной защиты, предусмотренные статьями 9 и 10 или статьей 15 Директивы 2004/83.

65. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Директивы 2004/83, заявитель, как правило, должен представить все элементы, необходимые для обоснования ходатайства, но остается фактом, что государство-член обязано сотрудничать с заявителем на этапе определения соответствующих элементов этого ходатайства.

66. Требование о сотрудничестве государства-члена с заявителем на практике означает, что если по какой-либо причине элементы, предоставленные заявителем для обоснования потребности в международной защите, оказались неполными, неактуальными или неуместными, соответствующее государство-член обязано активно сотрудничать с заявителем на этом этапе процедуры, чтобы собрать все элементы, необходимые для обоснования ходатайства. Также у государства-члена может быть больше возможностей, чем у заявителя, для получения доступа к определенным видам документов.

67. Кроме того, толкование, изложенное в предыдущем пункте, находит подтверждение в подпункте (b) пункта 2 статьи 8 Директивы 2005/85, согласно которому государства-члены должны обеспечить получение точной и актуальной информации об общей ситуации, сложившейся в странах происхождения заявителей, ходатайствующих о предоставлении убежища, и, при необходимости, в странах транзита».

50. Объединенное дело «X, Y и Z» (X, Y and Z) (объединенные дела C-199/12 - C-201/12, постановление от 7 ноября 2013 г.) касалось ищущих убежища лиц, которые искали международной защиты в связи со своей гомосексуальностью, при обстоятельствах, в которых не было доказано, что в прошлом они уже подвергались преследованию либо прямым угрозам преследования. Хотя пункт 4 статьи 4 Квалификационной директивы не был прямым предметом преюдициального запроса, СЕС, тем не менее, установил следующее:

«72. Что касается сдержанности, которую следует проявлять человеку, в рамках предусмотренной Директивой системы при оценке наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования компетентные органы должны выяснить, представляют ли установленные обстоятельства такую угрозу, что у соответствующего лица имеются обоснованные опасения, в свете его (ее) конкретной ситуации, действительно подвергнуться актам преследования ...

73. Такая оценка уровня риска, которую во всех случаях необходимо осуществлять внимательно и тщательно (постановление СЕС по делу «Салахадин Абдулла и др. против ФРГ» (Salahadin Abdulla and Others v. Bundesrepublik Deutschland), Объединенные дела C-175/08, C-176/08, C-178/08 и C-179/08 [2010 г.] ECR I-1493, п. 90), опирается исключительно на конкретную оценку фактов и обстоятельств в

соответствии с правилами, изложенными, в частности, в статье 4 Директивы (дело «Y и Z» (Y and Z), п. 77)».

51. В постановлении по делу «Салахадин Абдулла и др. против ФРГ» (Salahadin Abdulla and Others v. Bundesrepublik Deutschland, Объединенные дела C-175/08, C-176/08, C-178/08 и C-179/08, постановление от 2 марта 2010 г., ECR I-1493), СЕС рассмотрел оценку изменения обстоятельств беженца и, в частности, когда возможно прекращение статуса беженца:

«69. Следовательно, статус беженца прекращается в том случае, когда соответствующий гражданин, по-видимому, больше не подвергается в своей стране происхождения действию обстоятельств, свидетельствующих о том, что эта страна не может гарантировать ему (ей) защиту от актов преследования по одному из пяти признаков, упомянутых в пункте (с) статьи 2 Директивы. Таким образом, такое прекращение означает, что вследствие изменения обстоятельств устранены причины, которые привели к признанию статуса беженца.

70. Чтобы прийти к выводу о том, что опасения беженца в отношении преследования более не являются обоснованными, компетентные органы, ссылаясь на пункт 2 статьи 7 Директивы, должны удостовериться, с учетом индивидуальной ситуации беженца, что субъект или субъекты защиты рассматриваемой третьей страны предприняли необходимые меры для предотвращения преследования, из чего следует, что они, в частности (*inter alia*), используют эффективную правовую систему для выявления, привлечения к ответственности и наказания за деяния, составляющие преследование, и что у рассматриваемого гражданина будет доступ к такой защите в случае прекращения его статуса беженца».

V. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ (УВКБ ООН)

52. В соответствии со стандартами УВКБ ООН, хотя бремя доказывания возлагается на ищущее убежища лицо, с учетом особых обстоятельств ходатайства о предоставлении убежища, у государственного чиновника, рассматривающего это ходатайство, есть совместная с искателем убежища обязанность «установить и оценить все относящиеся к делу факты».

53. В соответствующих разделах «Пояснительной записки УВКБ ООН о бремени и стандарте доказывания в ходатайствах о предоставлении статуса беженца» (1998 г.) отмечается следующее:

«II. Бремя доказывания

5. Факты в поддержку ходатайств о предоставлении статуса беженца устанавливаются путем приведения доказательств или свидетельств касательно заявленных фактов. Доказательства могут быть устными или документальными. Обязанность представить доказательства для убедительного подтверждения предполагаемых фактов называют «бременем доказывания».

6. Согласно общим юридическим принципам доказательственного права, бремя доказывания лежит на человеке, который высказывает утверждение. Таким образом, в ходатайстве о предоставлении статуса беженца бремя установления правдивости утверждений и точности фактов, на которых основывается ходатайство, возлагается на заявителя. Обязанность доказывания выполняется заявителем путем предоставления правдивого изложения относящихся к ходатайству фактов, в результате чего на основании этих фактов может быть принято правильное решение. Учитывая особенности ситуации беженца, у принимающего решение сотрудника есть совместная с заявителем обязанность по установлению и оценке всех относящихся к делу фактов. В значительной степени это достигается, если сотрудник, принимающий решения, осведомлен об объективной ситуации в стране происхождения заявителя, а также владеет соответствующими общими знаниями, что поможет ему получить от заявителя относящуюся к делу информацию и надлежащим образом проверить заявленные факты, которые могут быть подтверждены.

III. Стандарт доказывания – Общие принципы и вопросы, касающиеся определения

7. В контексте обязанности заявителя доказывать факты, приведенные в поддержку его/ее ходатайства, термин «стандарт доказывания» означает порог, которого должны достичь утверждения

заявителя, убеждающие принимающего решение сотрудника в его (ее) правдивости касательно фактов. Факты, подлежащие «доказыванию», касаются фактов биографии и личного опыта заявителя, которые якобы вызвали у заявителя опасения стать жертвой преследования и вытекающее из этого нежелание воспользоваться защитой страны происхождения.

8. В странах общего права, в соответствии с нормами доказательственного права, касающегося уголовного преследования, дела должны быть доказаны «при отсутствии обоснованного сомнения». В гражданских делах закон не требует такого высокого стандарта, в данном случае судья скорее должен вынести решение на основании «принципа большей вероятности». Аналогичным образом, в ходатайствах о предоставлении статуса беженца принимающий решение сотрудник не должен быть полностью убежден в правдивости каждого утверждения касательно фактов, сделанного заявителем. На основании предоставленных доказательств и правдивости утверждений заявителя такой сотрудник должен принять решение о том, вероятно ли, что ходатайство заявителя достоверно.

9. Очевидно, что у заявителя есть обязанность говорить правду. Однако, необходимо учитывать тот факт, что из-за травматического опыта заявителя он/она, возможно, не может говорить открыто, а также то, что с течением времени или вследствие трагичности пережитых событий заявитель может не помнить всех фактических деталей, не может их точно воспроизвести или может их путать, что приводит к неточности и неуверенности при детальном изложении фактов. Неспособность заявителя вспомнить или назвать все даты и незначительные подробности, а также незначительные противоречия, неопределенность или ошибочные утверждения, не являющиеся существенными, могут быть приняты во внимание при заключительной оценке достоверности, но не должны использоваться как решающие факторы.

10. Что касается подтверждающих доказательств, то наличие подкрепляющих доказательств в поддержку утверждений заявителя подкрепит правдивость сделанных заявлений. С другой стороны, учитывая особую ситуацию ищущих убежища лиц, от них не следует требовать предоставления всех необходимых доказательств. В частности, следует признать, что зачастую искомателям убежища приходится спасаться бегством из страны без личных документов. Таким образом, невозможность представить документальное доказательство в подтверждение устных утверждений не должна препятствовать принятию ходатайства, если эти утверждения соответствуют широко известным фактам и если в общем заявитель в достаточной степени заслуживает доверия.

11. При оценке общей достоверности ходатайства заявителя, принимающему решение сотруднику следует принять во внимание такие факторы, как обоснованность изложенных фактов, согласованность и последовательность истории заявителя, подкрепляющие доказательства, представленные заявителем в поддержку его/ее утверждений, соответствие общедоступным сведениям или общеизвестным фактам, а также известной информации о ситуации в стране происхождения. Достоверность установлена, если заявитель представил последовательное и убедительное ходатайство, которое не противоречит общеизвестным фактам, и таким образом, с учетом всех факторов, может вызывать доверие.

12. Термин «толкование сомнений в пользу заявителя» используется в контексте стандарта доказывания применительно к сделанным заявителем утверждениям касательно фактов. С учетом того, что в ходатайствах о предоставлении статуса беженца у заявителя нет необходимости доказывать все факты согласно стандарту, в соответствии с которым принимающее решение лицо полностью убеждено в правдивости утверждений касательно фактов, как правило, у принимающего решения сотрудника будет элемент сомнения относительно фактов, заявленных подавшим ходатайство лицом. В тех случаях, когда принимающий решение сотрудник полагает, что история заявителя в целом является последовательной и правдоподобной, никакой элемент сомнения не должен создавать предвзятость в отношении ходатайства, поданного заявителем, то есть «сомнения следует толковать в пользу заявителя».

IV. Стандарт доказывания при установлении обоснованности опасения преследования

13. Фраза «обоснованное опасение стать жертвой преследования» является ключевой в определении «беженец». Хотя выражение «обоснованное опасение» содержит два элемента, один субъективный (опасение) и второй объективный (обоснованное), оба элемента следует оценивать вместе.

14. В этом контексте термин «опасение» означает, что человек полагает или предполагает, что он/она подвергнется преследованию. По большей части это можно установить, проанализировав, как человек описывает свое душевное состояние в момент отъезда. Как правило, само утверждение заявителя будет принято как важное проявление наличия опасения, при условии отсутствия фактов, вызывающих серьезные сомнения в достоверности этого вопроса. Кроме того, заявитель должен доказать, что предполагаемое опасение является обоснованным.

15. В данном вопросе поучительной является история написания Конвенции. Одна из категорий «беженцев», упомянутых в Приложении I Устава Международной организации по делам беженцев (МОБ), – это люди, которые «выразили обоснованные возражения против возвращения» в свои страны. При этом «обоснованное возражение» определяется как «преследование, или опасение стать жертвой преследования, имеющее под собой веские основания». В Руководстве МОБ указано, что «веские основания» следует толковать таким образом, что заявитель предоставил «правдоподобное и последовательное объяснение того, почему он опасается преследования». Специальный комитет по вопросам безгражданства и связанным с ним проблемам принял выражение «обоснованное опасение стать жертвой преследования» вместо использования формулировки, приведенной в Уставе МОБ. В комментариях к этому выражению в итоговом отчете Специального комитета отмечено, что «обоснованное опасение» означает, что человек может предоставить «серьезную причину» того, почему он опасается преследования.

Порог доказывания

16. В данном Руководстве отмечается, что опасения заявителя стать жертвой преследования следует считать обоснованными, если он «может доказать, в пределах разумного, что его продолжительное пребывание в стране происхождения стало невыносимым...».

17. В странах общего права сформировалась обширная судебная практика касательно того, какой стандарт доказывания следует применять к ходатайствам о предоставлении убежища для установления их обоснованности. В основном, эта судебная практика поддерживает позицию, согласно которой не существует требования доказывать обоснованность исчерпывающе, без сомнений или даже большую вероятность преследования. Для установления «обоснованности» опасения должно быть доказано, что преследование является вполне возможным. В качестве приложения приведен обзор недавней судебной практики по странам.

Критерии оценки обоснованности опасений

18. Поскольку оценка риска стать жертвой преследования по своей природе ориентирована на будущее и поэтому является несколько гипотетической, она должна проводиться на основании фактических аспектов, которые учитывают личные обстоятельства заявителя, а также элементы, касающиеся ситуации в стране происхождения.

19. К личным обстоятельствам заявителя относятся факты биографии человека, пережитый им опыт, индивидуальные характеристики и любые другие личные факторы, в связи с которыми он/она могли бы подвергнуться преследованию. В частности, следует принимать во внимание следующие значимые факторы: подвергался ли заявитель в прошлом преследованию или другим формам жестокого обращения, а также опыт его родственников, друзей и людей, находящихся в аналогичной ситуации. К имеющим значение элементам касательно ситуации в стране происхождения относятся: общая социальная и политическая обстановка, положение в области прав человека в стране, законодательство страны, политики или практики агента преследования, особенно в отношении тех людей, которые находятся в аналогичной с заявителем ситуации и т.д. Хотя преследование или жестокое обращение в прошлом было бы серьезным аргументом в пользу положительной оценки в отношении риска преследования в будущем, отсутствие таковых не является решающим фактором. Аналогичным образом, факт преследования в прошлом не обязательно будет решающим при оценке возможности возобновления преследования, в частности, в случае значительного изменения условий в стране происхождения».

54. В «Руководстве УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженца» (которое было впервые издано в 1979 году и переиздано в 2011 году; далее «Руководство УВКБ ООН») разрабатываются принципы, изложенные в «Пояснительной записке» 1998 года. Пункты 196 и 197 «Руководства» гласят следующее:

«196. Общий правовой принцип заключается в том, что бремя доказывания возлагается на лицо, подающее ходатайство. Однако нередко заявитель может быть не в состоянии подкрепить свои заявления документальными или другими доказательствами, и случаи, когда ходатайствующее лицо может представить доказательства в подтверждение всех своих заявлений, являются скорее исключением, чем правилом. В большинстве случаев лицо, спасающееся бегством от преследования, прибывает в страну только с самым необходимым и очень часто даже без личных документов. Таким образом, хотя бремя доказывания, в принципе, возлагается на заявителя, обязанность установления и оценки всех относящихся к делу фактов возлагается совместно на заявителя и рассматривающий орган. Однако, в некоторых случаях именно рассматривающему органу следует использовать все средства,

которыми он располагает, чтобы собрать необходимые доказательства в поддержку ходатайства. Однако даже этот независимый поиск не всегда может увенчаться успехом, и могут быть утверждения, которые невозможно подтвердить доказательствами. В таких случаях, если изложение событий заявителем кажется достоверным и если нет весомых причин полагать обратное, рассматривающий орган должен истолковать сомнения в пользу заявителя.

197. Таким образом, требование в отношении доказательства не следует применять слишком строго ввиду сложности доказывания, присущей особой ситуации, в которой оказался заявитель, ходатайствующий о предоставлении статуса беженца. Однако, допущение возможного отсутствия доказательств не означает, что неподтвержденные заявления должны обязательно приниматься как правдивые, если они не соответствуют общему изложению, представленному заявителем».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

55. Заявители подали жалобу о том, что их возвращение в Ирак повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Постановление Палаты

56. Палата отметила, что с июня 2014 года произошло значительное ухудшение общей ситуации в Ираке. Тем не менее, до сих пор не опубликованы международные доклады по Ираку, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что общая ситуация сама по себе серьезна настолько, что возвращение человека в эту страну повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции.

57. Что касается конкретных обстоятельств заявителей, то прежде всего Палата отметила, что их ходатайства были тщательно рассмотрены Миграционной службой и Миграционным судом. Оба этих органа признали, что первый заявитель сотрудничал с американцами и что вследствие этого с 2004 по 2008 год заявители получали серьезные угрозы и подвергались насилию со стороны «Аль-Каиды». Однако, поскольку первый заявитель прекратил сотрудничать с американскими компаниями в 2008 году, они сочли маловероятным, что любые возможные угрозы в адрес заявителей по-прежнему остаются настолько реальными и конкретными, чтобы обосновать предоставление убежища.

58. Далее Палата отметила, что первый заявитель подтвердил в Миграционной службе, что с 2008 года он не получал личных угроз со стороны «Аль-Каиды». Однако после отказа Миграционной службы в предоставлении убежища 22 ноября 2011 г. заявители изменили свои объяснения и утверждали, что 10 сентября 2011 г. боевики «Аль-Каиды» приходили в их дом в Багдаде искать первого заявителя и 12 ноября 2011 г. сожгли дом. Палата подчеркнула, что Миграционная служба не сочла достоверными объяснения заявителей по этим пунктам и представленные ими документы. Палата сочла заслуживающим внимания тот факт, что первый заявитель не упоминал о первом инциденте в Миграционной службе, хотя проходил собеседование в этом органе трижды. Кроме того, Палата отметила, что представленные в национальные суды, а также в Суд доказательства, якобы удостоверяющие, что боевики «Аль-Каиды» искали первого заявителя в сентябре 2011 г. и что его дом был сожжен 12 ноября 2011 г., настолько просты по сути, что возникают сомнения в их подлинности. Соответственно, Палата не нашла оснований не согласиться с Миграционной службой в том, что заявители не обосновали свое утверждение о преследовании и угрозах со стороны «Аль-Каиды», имевших место после 2008 года.

59. Аналогично в отношении утверждения заявителей о том, что первому заявителю угрожала опасность в связи с его участием в телевизионных дебатах в феврале 2010 года, Палата отметила, что заявители вообще не упоминали об этой записи в Миграционной службе, хотя проходили интервью несколько раз. Первый заявитель впервые представил запись 1 февраля 2012 г. вместе с письменными представлениями в Миграционный суд. Власти Швеции не были убеждены в том, что запись датируется февралем 2010 года или в том, что заявители не смогли бы получить защиту иракских властей, поскольку первый заявитель публично критиковал их в ходе дебатов. В целом, Палата согласилась с властями Швеции в том, что заявители не сумели обосновать эти утверждения.

60. Принимая во внимание вышесказанное и отмечая, что первый заявитель прекратил сотрудничество с американцами в 2008 году, что последнее подтвержденное насильственное нападение «Аль-Каиды» на заявителей состоялось в октябре 2008 года, почти шесть с половиной лет назад, а также в частности то, что первый заявитель оставался в Багдаде до декабря 2010 года, а второй и третий заявители – до сентября 2011 года, и что они не обосновали свои утверждения о поступлении в дальнейшем прямых угроз в свой адрес, Палата согласилась с оценкой властей Швеции о недостаточности доказательств для заключения о том, что в случае возвращения в Ирак заявители столкнулись бы с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Соответственно, Палата пришла к выводу, что выдворение заявителей не приведет к нарушению статьи 3 Конвенции.

В. Представления сторон

1. Заявители

61. Заявители утверждали, что Суд, в постановлении Палаты, решил возложить на них все бремя доказывания и отказался толковать сомнения в их пользу. Суд предпочел игнорировать часть доказательств, представленных заявителями, установив, что последняя угроза со стороны «Аль-Каиды» имела место в 2008 году. Что касается угроз, поступавших после 2008 года, заявители утверждали, что власти и суды Швеции отклонили поданные ими доказательства и пришли к выводу о малой вероятности угроз в отношении первого заявителя на его родине. В процессе предоставления убежища в Швеции обычно проводится расследование для установления достоверности доказательств, представленных ищущими убежища лицами. Однако в данном случае национальные власти категорически отклонили представленные заявителями доказательства, без каких-либо попыток изучить их достоверность, например, обратившись к иракским властям или связавшись с телеканалом «Альхурра» (Alhurra). Таким образом, они не выполнили своих обязательств согласно статьям 3 и 6 Конвенции. Если бы у шведских властей и у Палаты возникли сомнения в достоверности представленных доказательств, они должны были, прежде всего, принять взвешенное решение о том, принимать ли эти доказательства как заслуживающие доверия. Если бы они правильно оценили представленные доказательства, то их оценка, скорее всего, отличалась бы от той, которая приведена в их решениях. Поскольку шведские власти не усомнились в достоверности утверждений заявителей, они должны были истолковать сомнения в пользу первого заявителя.

62. Заявители указали на то, что для ищущих убежища лиц в Квалификационной директиве установлено правило «толкования сомнений в пользу заявителя» применительно к доказательствам, поданным в подтверждение их ходатайств. Если общая достоверность ищущего убежища лица не подвергается сомнению, то он (она) должны предпринять искренние усилия, чтобы подтвердить свои устные утверждения. В процессе

оценки достоверности заявлений следует придавать значение тому, были ли они последовательны и непротиворечивы, а также оставались ли их существенные элементы неизменными в ходе всех процедур предоставления убежища. В случае первого заявителя не было оснований ставить под сомнение его достоверность. Упоминание о его политической деятельности на поздней стадии процесса предоставления убежища объясняется естественными причинами: на собеседовании о предоставлении убежища ему не предоставили возможности полностью изложить свои аргументы, и поэтому он сосредоточил внимание на самой актуальной угрозе, а именно исходившей от «Аль-Каиды». Время трансляции телевизионных дебатов (в 2008 или 2010 году) никоим образом не отменяет или не уменьшает достоверность первого заявителя или степень угрожающей ему опасности. Тот факт, что дебаты были показаны в эфире, должен был стать достаточным основанием для того, чтобы принять это всерьез и провести расследование. Первый заявитель не подвергался жестокому обращению с 2008 по 2011 год по той единственной причине, что он скрывался все это время.

63. Заявители утверждали, что в случае депортации первого заявителя на родину ему обязательно пришлось бы контактировать с государственными органами. Если угроза со стороны государственных органов имела место до его побега в Швецию, то она по-прежнему будет существовать и после его возвращения. Если он будет вынужден вернуться, ему придется отказаться от своей личности и прятаться от государственных органов, что будет явным нарушением Конвенции. Имеющаяся информация о стране позволяет предполагать, что лица, ранее работавшие на американские вооруженные силы, находятся в уязвимом положении. Помимо того, что «Аль-Каида» считает их предателями своей родины, теперь они подвергаются опасности со стороны ИГИШ, которое рассматривает их в качестве непосредственных объектов нападения. Многие бывшие коллаборационисты были убиты в районах, подконтрольных ИГИШ.

64. Шведские суды и власти Швеции, а также Палата, признали, что у первого заявителя были обоснованные причины опасаться за свою жизнь в 2004-2008 годах. Жестокое обращение, которому он подвергся, было, по сути, сопоставимо с пытками. Исключительно на основании инцидентов, на которые ссылался первый заявитель, бремя доказывания следовало возложить не на него, а на шведские власти. Упомянутые инциденты и жестокое обращение, которому подвергался первый заявитель, подтверждают оценку потенциальных угроз и опасностей, с которыми он, вероятно, столкнется по возвращении. Поскольку национальные власти признали, что все эти инциденты действительно имели место, то инциденты, о которых идет речь, должны были стать отправной точкой для прогнозирующей оценки в отношении угрозы. Шведские власти должны были представить достаточные аргументы, чтобы опровергнуть эту оценку в отношении угрозы на основе реальных событий. Поскольку они этого не сделали, то следует предположить, что в отношении угрозы все еще сохраняется тот же сценарий. Кроме того, шведские власти должны были учесть испытания, которые пришлось пережить первому заявителю, и его уязвимость, связанную с сотрудничеством с американскими силами в Ираке. Иракские власти не смогут защитить его, если в будущем ему понадобится защита. Бремя доказывания следовало возложить на шведские власти, которые не смогли доказать, что в случае возвращения на родину первый заявитель не подвергнется жестокому обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

65. В соответствии со шведским законодательством, для выполнения обязанности по доказыванию ищущие убежища лица должны подать правдоподобное ходатайство. Однако критерии вероятности зависят от каждого конкретного дела и от конкретного суда, и не существует установленных рекомендаций относительно того, когда, например, качество документа следует считать настолько низким, что документ не имеет доказательственной ценности. Поэтому эта оценка была произвольной. В настоящем деле

власти возложили все бремя доказывания на заявителей и в ходе разбирательств пришли к выводу, что заявители не выполнили эту обязанность. Это было сделано без указания (в деталях или иным образом) того, как в действительности были установлены факты. В связи с этим сложно определить, было ли чрезмерным возложенное на заявителей бремя доказывания.

66. На основании предыдущего опыта заявителей и ухудшения ситуации с безопасностью в Ираке, заявители пришли к выводу, что в случае возвращения в Ирак они столкнутся с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

2. Правительство

67. Правительство согласилось с выводом Палаты о том, что возвращение заявителей в Ирак не повлечет нарушения статьи 3 Конвенции.

68. Что касается общей ситуации в Ираке, Правительство отметило, что и Миграционная служба, и Миграционный суд установили, что ситуация с безопасностью в Ираке не давала оснований утверждать о существовании общей потребности в международной защите ищущих убежища лиц, что было подтверждено Судом в постановлении Палаты. По последней информации, предоставленной Миграционной службой, интенсивность насилия в Багдаде по-прежнему не создает реальной опасности подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Таким образом, оценка Суда в постановлении Палаты по-прежнему действительна в отношении общей ситуации в Ираке, включая Багдад.

69. Что касается защиты со стороны властей Ирака, информация о стране происхождения свидетельствует о наличии в Багдаде надлежащим образом функционирующей судебной системы. Согласно юридическому заключению Миграционной службы, вопрос о достаточности защиты, предоставляемой властями в стране, следует рассматривать, исходя из того, будет ли соответствующая страна предпринимать необходимые меры, чтобы предотвратить преследование человека или причинение ему серьезного вреда.

70. Что касается личных обстоятельств заявителей, Правительство отметило, что первый заявитель не упоминал о предполагаемом преследовании со стороны «Аль-Каиды» на собеседованиях, имевших место всего через несколько недель после предполагаемого инцидента, и что документы, представленные для подтверждения, были настолько просты по сути, что вызвали сомнения в их подлинности. Правительство согласилось с Палатой в том, что заявители не обосновали свое заявление о преследовании со стороны «Аль-Каиды» после 2008 года. Правительство подчеркнуло, что первый заявитель не предоставил каких-либо доказательств поступления личных угроз в его адрес после 2008 года. Он оставался в Багдаде до декабря 2010 года, а его жена и сын – до сентября 2011 года, и при этом они не подвергались нападениям и не получали прямых угроз. Две дочери заявителя все еще живут в Багдаде и в их адрес не поступали какие-либо угрозы. Поскольку нападения на первого заявителя происходили в те годы, когда у него был бизнес-контракт с американскими вооруженными силами, и прекратились впоследствии, то вполне вероятно, что угрозы и нападения не были связаны с ним лично, а скорее были направлены на то, чтобы заставить его отказаться от сотрудничества с американцами. Более того, первый заявитель никогда не обращался к иракским властям с просьбой о предоставлении защиты. Правительство утверждало, что заявители не доказали то, что они не смогут получить защиту со стороны властей Ирака.

71. Правительство отметило, что первый заявитель также утверждал, что он подвергается опасности преследования из-за участия в публичных телевизионных дебатах. Однако он не упоминал об этом ни на собеседованиях по вопросам предоставления убежища, ни в письменных представлениях в Миграционную службу, ни в апелляционной жалобе в Миграционный суд. Когда заявитель упомянул об этом факте в последующих представлениях, он сначала утверждал, что дебаты состоялись в феврале 2008 года, а затем, что в феврале 2010 года. DVD-диск, представленный в качестве доказательства, четко свидетельствует о том, что запись сделана не позднее 4 марта 2008 г. Палата согласилась с Правительством в том, что заявители не смогли доказать, что запись была сделана после 4 марта 2008 г. или что в связи с ней первому заявителю угрожает опасность преследования.

72. Далее Правительство утверждало, что отсутствуют основания полагать, что после возвращения в Багдад первый заявитель и его семья оказались бы в особо уязвимом положении. Правительство согласилось с Палатой в том, что отсутствуют достаточные доказательства, позволяющие сделать вывод о том, что в случае возвращения в Ирак заявители, в силу личных обстоятельств, столкнулись бы с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

Правительство заявило, что имеющаяся информация о стране происхождения свидетельствует о том, что в Багдаде более не является преобладающей общая ситуация, характерная для 2008 года, когда связанные с «Аль-Каидой» группировки угрожали всем лицам, сотрудничавшим или работавшим с американскими вооруженными силами или силами западной коалиции, а также наказывали таких людей. Напротив, информация о стране происхождения свидетельствует о том, что теперь наибольшая угроза в отношении общей безопасности в Багдаде исходит от ИГИШ, которое, как правило, пытается преследовать мусульман-шиитов и другие религиозные меньшинства.

В случае заявителей угрозы и насилие были тесно связаны с сотрудничеством первого заявителя с американскими вооруженными силами. Поскольку такое сотрудничество прекратилось уже давно, ситуация заявителей изменилась. Кроме того, согласно информации о стране происхождения, считается, что в органы власти Ирака больше не проникают агенты таких террористических группировок, как «Аль-Каида» или ИГИШ, что противоречит утверждениям заявителей. Эти группировки возникли из суннитских экстремистских группировок, тогда как в органах власти в Багдаде преобладают представители шиитской общины.

Таким образом, при проведении полной и проспективной (*ex nunc*) оценки было выявлено, что доказательств не достаточно для вывода о том, что в случае исполнения распоряжений о высылке заявителя столкнутся с реальной и индивидуальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

73. Что касается вопроса о бремени доказывания, Правительство отметило, что, согласно прецедентной практике судов Швеции, «Руководство УВКБ ООН» является важным источником права, а доклады и рекомендации УВКБ - важным источником указаний, которые, однако, следует соизмерять с информацией о ситуации в конкретной стране. Согласно прецедентной национальной судебной практике, лицо, ходатайствующее о предоставлении вида на жительство, прежде всего обязано доказать существование фактических обстоятельств, требующих предоставления вида на жительство. В то время как первоначальное бремя доказывания возлагается на заявителя, обязанность выяснить и оценить соответствующие факты разделена между заявителем и миграционными органами и судами. Согласно подготовительным материалам (*travaux préparatoires*) к шведскому Закону об иностранцах, для ходатайств, касающихся риска преследования, не может быть установлен слишком высокий стандарт доказывания, поскольку редко можно

представить убедительные доказательства, явно подтверждающие существование такого риска. Часто бывает необходимо толковать сомнения в пользу заявителя, если все доступные доказательства были получены и проверены и если рассматривающий орган удовлетворен общей достоверностью заявителя. Предварительным условием для толкования сомнений в пользу заявителя является последовательность и непротиворечивость его заявлений, а также неизменность сути утверждений заявителя на протяжении всей процедуры предоставления убежища.

74. Согласно принципу, закрепленному в разделе 8 Закона об административном судопроизводстве, о том, что основную ответственность за расследование несут суды, Миграционный суд должен учитывать все соответствующие обстоятельства и обеспечивать надлежащее и полное расследование дела. Миграционная служба обязана предоставлять услуги, рекомендации и проводить расследование. Она должна помогать людям пользоваться своими правами и консультировать их, а также инициировать проведение дополнительных расследований в зависимости от обстоятельств. В делах об убежище обязанность проводить расследование приобретает еще большее значение. Более того, согласно прецедентной национальной судебной практике, для обстоятельств, которые обоснованно могут быть подтверждены заявителем, устанавливается более высокий порог для доказательства, а для обстоятельств, которые доказать сложнее, - более низкий.

75. Правительство отметило, что в настоящем деле рассказ первого заявителя о преследовании со стороны «Аль-Каиды» до 2008 года был по существу последовательным и подробным, не содержал противоречивой информации и подтверждался соответствующей информацией о стране происхождения. Таким образом, он выполнил свою обязанность по доказыванию и поэтому получил право на то, чтобы возникающие сомнения были истолкованы в его пользу. Однако, поскольку заявители не искали убежища до декабря 2010 года и сентября 2011 года, им нужно было убедительно доказать, что, в сложившихся на момент разбирательства дела властями Швеции условиях, они по-прежнему столкнулись бы с реальной опасностью по возвращении в Багдад подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Заявители не выполнили эту обязанность по доказыванию. Только после получения отказа Миграционной службы в выдаче разрешений на проживание заявители выдвинули новые утверждения и доказательства, которые оказались непоследовательными и противоречивыми. Поскольку суть их рассказа изменилась, возникающие сомнения не могли быть истолкованы в пользу заявителей. Власти и суды Швеции не имели оснований для дальнейшего расследования этих утверждений вследствие их неправдоподобности. После 2008 года положение заявителей изменилось, и они перестали нуждаться в защите. В процессе рассмотрения дела миграционные органы Швеции приняли во внимание все соответствующие обстоятельства и обеспечивали надлежащее и полное расследование дела. Принятые на внутригосударственном уровне решения не предполагают, что на заявителей было возложено чрезмерное бремя доказывания.

76. Наконец, Правительство указало, что настоящее дело отличается от дела «R.C. против Швеции» (R.C. v. Sweden) (заявление №41827/07, 9 марта 2010 г.), которое касалось утверждений о пытках и жестоком обращении со стороны национальных властей. В настоящем деле предполагаемое преследование заявителей осуществлялось негосударственными субъектами. Заявители не подтвердили свои утверждения о том, что они в настоящее время столкнутся с существенной опасностью подвергнуться жестокому обращению после возвращения в Ирак.

С. Оценка Суда

1. Общие принципы

(а) Общий характер обязательств согласно статье 3 Конвенции

77. В деле «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*, [БП], заявление №26772/95, п. 119, ЕСПЧ 2000-IV) Суд отметил следующее:

«Как неоднократно заявлял Суд, в статье 3 закреплена одна из наиболее основополагающих ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, согласно Конвенции безоговорочно запрещаются пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание. В отличие от большинства основных положений Конвенции и Протоколов № 1 и 4, статья 3 не предусматривает никаких исключений и согласно пункту 2 статьи 15 отступление от нее не допускается даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации (см. дело «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*) [БП], заявление №25803/94, п. 95, ЕСПЧ 1999-V и дело «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), постановление от 28 октября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* [Сборник постановлений и решений] 1998-VIII, стр. 3288, п. 93). Согласно Конвенции безоговорочно запрещаются пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от действий жертвы (см. дело «Чахал против Великобритании» (*Chahal v. The United Kingdom*), постановление от 15 ноября 1996 г. *Reports* [Сборник постановлений и решений] 1996-V, стр. 1855, п. 79)».

(b) Принцип недопущения высылки

78. Суд неоднократно подтверждал значение принципа *недопущения высылки* (см., например, постановления ЕСПЧ по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*) [БП], заявление №30696/09, п. 286, ЕСПЧ 2011 г. и делу «M.A. против Кипра» (*M.A. v. Cyprus*), заявление №41872/10, п. 133, ЕСПЧ 2013 (извлечения)). В делах о высылке лиц, ищущих убежища, Суд главным образом интересуется «имеются ли эффективные гарантии, защищающие заявителя от произвольной, прямой или косвенной, *высылки* в страну, из которой бежал заявитель» (см., в числе прочих примеров, упоминавшееся ранее постановление ЕСПЧ по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», п. 286; постановление ЕСПЧ по делу «Мюслим против Турции» (*Müslim v. Turkey*), заявление №53566/99, п.п. 72-76, 26 апреля 2005 г.; и решение ЕСПЧ по делу «Т.И. против Великобритании» (*T.I. v. the United Kingdom*) (dec.), заявление №43844/98, ЕСПЧ 2000-III).

(c) Общие принципы применения статьи 3 Конвенции в делах о высылке

79. Общие принципы применения статьи 3 в делах о высылке были изложены в постановлении ЕСПЧ по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*) ([БП] заявление №37201/06, п.п. 124-133, ЕСПЧ 2008 г.) и, недавно, в деле «F.G. против Швеции» (*F.G. v. Sweden*) ([БП], заявление №43611/11, ЕСПЧ 2016 г.). Соответствующие пункты постановления по последнему упомянутому делу сформулированы следующим образом:

«111. Суд напоминает, что согласно установившимся нормам международного права и при условии соблюдения договаривающимися государствами своих договорных обязательств, в том числе по Конвенции, договаривающиеся государства вправе контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев (см., например, постановления по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*) [БП], заявление №27765/09, п. 113, ЕСПЧ 2012 г.; «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. the Netherlands*) [БП], №46410/99, п. 54, ЕСПЧ 2006-XII; «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Великобритании» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*), 28 мая 1985 г., п. 67, *Series A* заявление №94; и «Бужлифа против Франции» (*Boujlifa v. France*), 21 октября 1997 г., п. 42, *Reports of Judgments and Decisions* [Сборник постановлений и решений] 1997-VI). Однако высылка иностранца договаривающимся государством может привести к возникновению вопроса по статье 3 Конвенции, а значит, повлечь за собой ответственность государства в соответствии с Конвенцией, если

будет доказано наличие существенных оснований полагать, что в случае депортации соответствующего лица в принимающую страну он (она) столкнется с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. При таких обстоятельствах из статьи 3 Конвенции следует обязанность не депортировать человека в эту страну (см. в числе прочих примеров постановление по делу «Саади против Италии» (Saadi v. Italy) [БП], заявление №37201/06, п.п. 124-125, ЕСПЧ 2008 г.).

112. Оценка наличия существенных оснований полагать, что заявитель сталкивается с такой реальной опасностью, неизбежно потребует от Суда изучения условий в стране назначения с учетом стандартов статьи 3 Конвенции (см. постановление по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey) [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, п. 67, ЕСПЧ 2005-I). Эти стандарты предполагают, что жестокое обращение, которому, по утверждениям заявителя, он подвергнется в случае возвращения, должно достичь минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции. Оценка этого уровня относительна и зависит от всех обстоятельств дела (см. постановление по делу «Хилал против Великобритании» (Hilal v. the United Kingdom), заявление №45276/99, п. 60, ЕСПЧ 2001-II).

(d) Риск подвергнуться жестокому обращению со стороны групп частных лиц

80. В силу абсолютного характера гарантируемого права, статья 3 Конвенции применяется не только когда опасность исходит от органов власти государства, но и когда источником опасности являются лица или группы лиц, не являющиеся государственными служащими. Тем не менее, следует доказать, что такой риск реален и что органы власти принимающего государства не в состоянии устранить опасность предоставив соответствующую защиту (см. постановления по делу «NA. против Великобритании» (NA. v. the United Kingdom), заявление №25904/07, п. 110, 17 июля 2008 г.; «F.H. против Швеции» (F.H. v. Sweden), заявление №32621/06, п. 102, 20 января 2009 г.; и «H.L.R. против Франции» (H.L.R. v. France), 29 апреля 1997 г., п. 40, Reports of Judgments and Decisions [Сборник постановлений и решений] 1997-III).

81. В этом контексте следует также принимать во внимание возможность защиты или перемещения заявителя в пределах государства его происхождения. Суд напоминает, что статья 3 как таковая не препятствует договаривающимся государствам полагаться на наличие альтернативы бегства внутри страны при оценке утверждений человека о том, что возвращение в его страну происхождения подвергнет его (ее) реальной опасности стать жертвой обращения, запрещенного данной нормой (см. постановления по делу «Салах Ших против Нидерландов» (Salah Sheekh v. the Netherlands), заявление №1948/04, п. 141, 11 января 2007 г.; «Чахал против Великобритании» (Chahal v. the United Kingdom), 15 ноября 1996 г., п. 98, Reports [Сборник постановлений и решений] 1996-V; и «Хилал против Великобритании» (Hilal v. the United Kingdom), заявление №45276/99, п.п. 67-68, ЕСПЧ 2001-II).

82. Тем не менее, Суд постановил, что расчет на альтернативу бегства внутри страны не влияет на обязанность высылающего договаривающегося государства обеспечить, чтобы в результате принятого им решения о высылке заявитель не подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции (см. упоминавшиеся ранее дело «Салах Ших против Нидерландов», п. 141 и решение по делу «Т.І. против Великобритании» (dec.)). Таким образом, прежде чем полагаться на альтернативу бегства внутри страны, следует обеспечить определенные гарантии: подлежащий высылке человек должен иметь возможность переехать в соответствующий район, получить разрешение на въезд и поселиться там. В противном случае может возникнуть вопрос по статье 3 Конвенции, тем более если в отсутствие таких гарантий существует возможность того, что высылаемое лицо окажется в той части страны происхождения, где может подвергнуться жестокому обращению (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «Салах Ших против Нидерландов», п. 141 и постановление ЕСПЧ по делу «Суфи и Элми против

Великобритании» (Sufi and Elmi v. the United Kingdom), №№ 8319/07 и 11449/07, п. 266, 28 июня 2011 г.).

(е) Принцип проспективной (*ex nunc*) оценки обстоятельств

83. В прецедентной практике Суда принцип проспективной (*ex nunc*) оценки обстоятельств был установлен в ряде случаев. Недавно этот принцип был изложен в упомянутом ранее деле «F.G. против Швеции»:

«115. Если заявитель еще не был депортирован, то существенным моментом времени для оценки должен быть момент рассмотрения дела Судом (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «Чahal против Великобритании», п. 86). Полная и проспективная (*ex nunc*) оценка требуется, если необходимо принять во внимание информацию, ставшую известной после принятия окончательного решения национальными органами власти (см., например, постановление по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria) [БП], заявление №1638/03, п.п. 87 - 95, ЕСПЧ 2008 г. и упоминавшееся ранее постановление по делу «Суфи и Элми против Великобритании», п. 215). Как правило, такая ситуация возникает, когда, как и в настоящем деле, депортация откладывается по указанию Суда о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Поскольку в делах такого рода характер ответственности договаривающихся государств согласно статье 3 связан с действием, подвергающим человека опасности жестокого обращения, наличие такой опасности должно оцениваться прежде всего с учетом фактов, о которых договаривающееся государство знало или обязано было знать на момент высылки. При осуществлении оценки основное внимание следует уделить предполагаемым последствиям выдворения заявителя в страну назначения, с учетом сложившейся там общей ситуации и личных обстоятельств заявителя (см., например, упоминавшееся ранее постановление по делу «Салах Ших против Нидерландов», заявление №1948/04, п. 136, 11 января 2007 г. и постановление ЕСПЧ по делу «Вилвараджа и другие против Великобритании» (Vilvarajah and Others v. United Kingdom), п.п. 107 и 108).

(f) Принцип субсидиарности

84. В упомянутом выше деле «F.G. против Швеции» Суд описал свой подход к рассмотрению дел о высылке лиц, ищущих убежища:

«117. В делах о высылке лиц, ищущих убежища, Суд не рассматривает самостоятельно сами ходатайства о предоставлении убежища и не проверяет, как государства соблюдают свои обязательства согласно Женевской конвенции о статусе беженцев. Суд главным образом интересуется, имеются ли эффективные гарантии для защиты заявителя от произвольной *высылки*, будь то прямой или косвенной, в страну, из которой бежал заявитель. В силу статьи 1 Конвенции основная ответственность за осуществление и обеспечение гарантированных прав и свобод возлагается на национальные органы власти. Таким образом, механизм подачи жалоб в Суд имеет субсидиарный характер по отношению к национальным системам, защищающим права человека. Этот субсидиарный характер отражен в статье 13 и пункте 1 статьи 35 Конвенции (см. постановление по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece) [БП], заявление №30696/09, п.п. 286-287, ЕСПЧ 2011 г.). Однако Суд должен удостовериться в том, что оценка, выполненная властями договаривающегося государства, надлежащим образом и в достаточной степени подтверждается внутренними материалами, а также материалами, полученными из других надежных и объективных источников, например, от других договаривающихся государств, третьих государств, учреждений ООН и авторитетных неправительственных организаций (см. в числе прочих примеров постановление ЕСПЧ по делу «NA. против Великобритании» (NA. v. the United Kingdom), заявление №25904/07, п. 119, 17 июля 2008 г.).

118. Более того, если дело рассматривалось на внутрисудовом уровне, то в задачи Суда не входит подменять собственной оценкой анализ фактов, выполненный национальными судами, и, как правило, именно эти суды должны оценивать представленные доказательства (см. в числе прочих примеров постановления ЕСПЧ по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (Giuliani and Gaggio v. Italy) [БП], заявление №23458/02, п.п. 179-80, 24 марта 2011 г.; «Низомхон Джураев против России» (Nizomkhon Dzhurayev v. Russia), заявление №31890/11, п. 113, 3 октября 2013 г. и «Савриддин Джураев против России» (Savriddin Dzhurayev v. Russia), заявление №71386/10, п. 155, ЕСПЧ 2013 г. (извлечения)). Согласно общему принципу, национальные органы власти располагают лучшими возможностями для оценки не только фактов, но и, в частности, достоверности свидетелей, поскольку именно у этих органов есть возможность заслушать соответствующего человека, увидеть его и оценить

манеру его поведения. (см., например, постановление ЕСПЧ по делу «R.C. против Швеции» (R.C. v. Sweden), заявление №41827/07, п. 52, 9 марта 2010 г.).».

(g) Оценка существования реальной опасности

85. В упомянутом выше деле «Саади против Италии» (п. 140) Суд постановил:

«...чтобы плановая принудительная высылка считалась нарушением Конвенции, необходимо - и достаточно - продемонстрировать наличие существенных оснований полагать, что существует реальная опасность того, что соответствующее лицо подвергнется в принимающей стране обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции (см. выше пункты 125 и 132 постановления и упоминаемые в них прецеденты)».

86. В упомянутом выше деле «F.G. против Швеции» Суд установил следующее касательно оценки существования реальной опасности:

“113. Оценка существования реальной опасности необходимо выполнить тщательно (см. постановления ЕСПЧ по делу «Чahal против Великобритании» (Chahal v. the United Kingdom), 15 ноября 1996 г., п. 96, Reports [Сборник постановлений и решений] 1996-V и упоминавшееся ранее постановление по делу «Саади против Италии», п. 128). В принципе, именно заявитель должен представить доказательства, которые могут подтвердить наличие существенных оснований полагать, что в случае осуществления обжалуемой меры заявитель подвергнется реальной опасности стать жертвой обращения, противоречащего статье 3 (см., например, упоминавшееся ранее дело «Саади против Италии», п. 129, и постановление ЕСПЧ по делу «N. против Финляндии» (N. v. Finland), заявление №38885/02, п. 167, 26 июля 2005 г.). ...

114. При осуществлении оценки основное внимание следует уделить предполагаемым последствиям выдворения заявителя в страну назначения, с учетом сложившейся там общей ситуации и личных обстоятельств заявителя (см. «Вилвараджа и другие против Великобритании» (Vilvarajah and Others v. the United Kingdom), 30 октября 1991 г., п. 108, Series A №215). В связи с этим, и в тех случаях, когда это уместно, Суд будет принимать во внимание, существует ли в стране назначения ситуация общего насилия (см. постановление по делу «Суфи и Элми против Великобритании» (Sufi and Elmi v. the United Kingdom), заявления №№ 8319/07 и 11449/07, п. 216, 28 июня 2011 г.).

...

116. В деле о высылке Суд, с учетом всех представленных ему обстоятельств дела, должен рассмотреть вопрос о том, были ли установлены существенные основания полагать, что в случае возвращения соответствующее лицо столкнется с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Если установлено существование такого риска, то выдворение заявителя неминуемо повлечет нарушение статьи 3, независимо от того, исходит ли такой риск из ситуации общего насилия, личных особенностей заявителя или комбинации этих факторов. Тем не менее, очевидно, что такой риск порождается не каждой ситуацией общего насилия. Напротив, Суд пояснил, что общая ситуация насилия достигнет достаточного уровня напряженности для возникновения такой опасности только «в самых крайних случаях», когда реальный риск жестокого обращения существует просто в силу того, что по возвращении человек подвергнется такому насилию (см. упоминавшееся ранее дело «Суфи и Элми против Великобритании», п.п. 216 и 218. См. также, среди прочих дел, постановления ЕСПЧ по делу «L.M. и другие против России» (L.M. and Others v. Russia), заявления №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14, п. 108, 15 октября 2015 г. и делу «Мамажонов против России» (Mamazhonov v. Russia), заявление №17239/13, п.п. 132-133, 23 октября 2014 г.).».

87. Что касается оценки доказательств, в прецедентной практике Суда установлено, что «наличие опасности необходимо оценивать прежде всего с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны договаривающемуся государству на момент высылки» (см. упомянутое выше дело «FG против Швеции», п. 115, цитируемое выше в п. 83). Следовательно, договаривающееся государство обязано учитывать не только доказательства, представленные заявителем, но и все остальные факты, имеющие отношение к рассматриваемому делу.

88. Суд в своей прецедентной практике пришел к выводу, что при оценке значимости материалов о ситуации в стране следует принимать во внимание источник такого материала, в частности независимость, надежность и объективность источника.

Применительно к отчетам/докладам важны такие аспекты, как авторитет и репутация автора, серьезность расследований, по результатам которых были составлены материалы, последовательность выводов и подтверждение данных другими источниками (см. упоминавшиеся ранее постановления ЕСПЧ по делу «Саади против Италии», п. 143; «NA. против Великобритании», п. 120; и «Суфи и Элми против Великобритании», п. 230).

89. Суд также признает, что необходимо учитывать присутствие автора материала в соответствующей стране и его возможности по подготовке отчетов/докладов (см. упоминавшееся ранее дело «Суфи и Элми против Великобритании», п. 231). Суд принимает во внимание значительные трудности, с которыми сталкиваются правительства и НПО, собирая информацию в опасных и нестабильных условиях. Суд согласен с тем, что не всегда можно проводить расследования, находясь в непосредственной близости от зоны конфликта, и в таких случаях можно полагаться на информацию, полученную «из первых рук» (см. упоминавшееся ранее дело «Суфи и Элми против Великобритании», п. 232).

90. В ходе оценивания опасности Суд может получать соответствующие материалы по собственной инициативе (*proprio motu*). Это прочно установившийся принцип в прецедентной практике Суда (см. упоминавшиеся ранее постановления по делу «H.L.R. против Франции», п. 37; и «Хилал против Великобритании», п. 60; а также делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*) [БП], заявление №27765/09, п. 116, ЕСПЧ 2012 г.). В отношении материалов, полученных по собственной инициативе (*proprio motu*), Суд считает, что, учитывая абсолютный характер защиты, предусмотренной статьей 3 Конвенции, Суд должен удостовериться в том, что оценка риска, выполненная властями договаривающегося государства, надлежащим образом и в достаточной степени подтверждается внутренними материалами, а также материалами, полученным из других надежных и объективных источников, например, от других договаривающихся государств, третьих государств, учреждений ООН и авторитетных неправительственных организаций (см. упоминавшееся ранее дело «FG против Швеции», п. 117, цитируемое выше в п.84). В рамках наблюдательной функции Суда в соответствии со статьей 19 Конвенции, подход к статье 3 в делах о сталкивающихся с высылкой или экстрадицией иностранцах был бы слишком узким, если бы Суд (как международный суд по правам человека) принимал во внимание только материалы, предоставленные национальными органами соответствующего договаривающегося государства, не сравнивая их с материалами из других надежных и объективных источников (см. упоминавшееся ранее дело «Салах Ших против Нидерландов», п. 136).

(h) Распределение бремени доказывания

91. В отношении бремени доказывания в делах о высылке установившаяся прецедентная практика Суда состоит в том, что, в принципе, заявитель должен представить доказательства, которые могут подтвердить наличие существенных оснований полагать, что в случае осуществления обжалуемой меры заявитель подвергнется реальной опасности стать жертвой обращения, противоречащего статье 3; и что, когда такие доказательства приведены, любые сомнения по этому поводу обязано развеять Правительство (см. упоминавшиеся ранее дела «F.G. против Швеции», п. 120; «Саади против Италии», п. 129; «NA. против Великобритании», п. 111; и «R.C. против Швеции», п. 50).

92. Согласно прецедентной практике Суда, лица, утверждающие, что их высылка из страны будет приравниваться к нарушению статьи 3 Конвенции, обязаны представить (насколько это практически возможно) материалы и информацию, позволяющие властям соответствующего договаривающегося государства, а также Суду оценить опасность,

которую может повлечь за собой выдворение (см. постановление по делу «Саид против Нидерландов» (Said v. the Netherlands), заявление №2345/02, п. 49, ЕСПЧ 2005-VI). Вместе с тем, Суд признает тот факт, что применительно к ходатайствам о признании статуса беженца соответствующему лицу может быть трудно, если вообще возможно, предоставить доказательства в короткие сроки, особенно если такие доказательства необходимо получить из страны, из которой, по его (ее) утверждениям, бежал заявитель. Таким образом, отсутствие прямых документальных доказательств само по себе (*per se*) не может иметь решающего значения (см. дело «Бахаддар против Нидерландов» (Bahaddar v. the Netherlands), 19 февраля 1998 г., п. 45, Reports [Сборник постановлений и решений] 1998-I и, с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), упоминавшееся ранее дело «Саид против Нидерландов», п. 49).

93. Учитывая особую ситуацию, в которой зачастую оказываются ищущие убежища лица, при оценивании достоверности их утверждений и представленных подтверждающих документов нередко возникает необходимость толковать сомнения в их пользу. Однако, если предоставленная информация дает серьезные основания усомниться в достоверности представленных материалов ищущего убежища лица, то этот человек должен предоставить удовлетворительное пояснение касательно предполагаемых неточностей в таких представлениях (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «F.G. против Швеции», п. 113; решения по делу «Коллинс и Аказиби против Швеции» (Collins and Akaziebie v. Sweden) (dec.), заявление №23944/05, 8 марта 2007 г.; и «S.H.H. против Великобритании» (S.H.H. v. the United Kingdom), заявление №60367/10, п. 71, 29 января 2013 г.). Даже если некоторые детали в изложении событий заявителем могут казаться несколько неубедительными, Суд считает, что это необязательно умаляет общую достоверность ходатайства заявителя (см. упоминавшееся ранее дело «Саид против Нидерландов», п. 53, и, с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), постановление по делу «N. против Финляндии» (N. v. Finland), заявление №38885/02, п.п. 154-155, 26 июля 2005 г.).

94. Как правило, нельзя считать, что ищущее убежища лицо выполнило обязанность по доказыванию, пока он (она) не предоставит обоснованную информацию об индивидуальном и, следовательно реальном, риске подвергнуться жестокому обращению в случае депортации, позволяющую провести различие между его (ее) ситуацией и общими опасностями в стране назначения.

95. Более того, хотя ряд индивидуальных факторов, рассматриваемых по отдельности, может не составлять реальной опасности, те же факторы в совокупности, рассматриваемые в ситуации общего насилия и повышенной безопасности, могут повлечь возникновение реального риска (см. упоминавшееся ранее дело «NA. против Великобритании», п. 130). Такие факторы риска могут быть представлены следующими элементами: предыдущие судимости и (или) ордер на арест, возраст, гендерная принадлежность и происхождение репатрианта, регистрация в прошлом в качестве предполагаемого или действительного члена преследуемой группы, предыдущие ходатайства о предоставлении убежища, поданные за рубежом (см. упоминавшееся ранее дело «NA. против Великобритании», п.п. 143-144 и 146).

96. Суд отмечает, что установить и оценить все соответствующие фактические обстоятельства дела в ходе процедур предоставления убежища – это совместная обязанность ищущего убежища лица и иммиграционных властей. Лица, ищущие убежища, обычно являются единственными источниками информации о личных обстоятельствах. Таким образом, если речь идет об индивидуальных обстоятельствах, бремя доказывания, в принципе, возлагается на заявителей, которые обязаны как можно скорее представить все доказательства касательно их индивидуальных обстоятельств,

необходимые для обоснования ходатайства о предоставлении международной защиты. Это требование выражено как в документах УВКБ ООН (см. пункт 6 «Пояснительной записки УВКБ ООН о бремени и стандарте доказывания в ходатайствах о предоставлении статуса беженца» и пункт 196 «Руководства УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженца» - оба документа упоминаются выше, в пунктах 53-54 настоящего Постановления), так и в пункте 1 статьи 4 Квалификационной директивы ЕС, а также в последующей прецедентной практике СЕС (см. пункты 47 и 49-50 настоящего Постановления).

97. Однако правила, касающиеся бремени доказывания, не должны делать неэффективными права заявителей, защищаемые статьей 3 Конвенции. Кроме того, важно принимать во внимание все трудности, с которыми ищущее убежища лицо может сталкиваться за границей при сборе доказательств (см. упоминавшиеся ранее дела «Бахаддар против Нидерландов», п. 45, и, с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), «Саид против Нидерландов», п. 49). Как в стандартах, разработанных УВКБ ООН (пункт 12 «Пояснительной записки» и пункт 196 «Руководства УВКБ ООН», упоминавшиеся ранее в пунктах 53-54 настоящего Постановления), так и в пункте 5 статьи 4 Квалификационной директивы прямо или косвенно признается, что возникающие сомнения следует толковать в пользу заявителя, обратившегося за предоставлением международной защиты.

98. Суд отмечает, что в отношении оценки ситуации в конкретной стране, следует принять иной подход. У национальных органов власти, рассматривающих ходатайство о международной защите, есть полный доступ к информации по этим вопросам. По этой причине, общая ситуация в другой стране, в том числе возможности властей страны по обеспечению защиты, должна устанавливаться компетентными иммиграционными органами страны по собственной инициативе (*proprio motu*) (см., с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), упоминавшиеся ранее дела «Н.Л.Р. против Франции», п. 37; «Хилал против Великобритании», п. 60; и «Хирси Джамаа и другие против Италии», п. 116). Подобный подход рекомендуется в пункте 6 упомянутой выше «Пояснительной записки» УВКБ ООН, согласно этому подходу органы, принимающие решение по ходатайству о предоставлении убежища, обязаны по собственной инициативе (*proprio motu*) принимать во внимание «объективно сложившуюся ситуацию в соответствующей стране происхождения». Аналогичным образом, согласно пункту 3 статьи 4 Квалификационной директивы также требуется принятие во внимание «всех соответствующих фактов, касающихся страны происхождения».

(i) Жестокое обращение в прошлом как признак существования риска

99. Особые вопросы возникают, когда ищущее убежища лицо утверждает, что в прошлом он (она) подвергались жестокому обращению, поскольку жестокое обращение, имевшее место в прошлом, может иметь значение для определения уровня риска жестокого обращения в будущем. В соответствии с установившейся прецедентной практикой Суда, при оценивании риска жестокого обращения в будущем необходимо надлежащим образом учесть тот факт, что заявитель привел убедительные доказательства того, что он (она) в прошлом подвергались жестокому обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Например, в деле «R.C. против Швеции», в котором заявитель уже подвергался пыткам, Суд счел, что «на государство возлагается ответственность за то, чтобы развеять все сомнения в отношении угрожающей заявителю опасности снова подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в случае его высылки» (см. упоминавшееся ранее дело «R.C. против Швеции», п. 55). В деле «R.J. против Франции», разделяя сомнения французского правительства касательно жалоб заявителя

(тамила из Шри-Ланки) в отношении условий его содержания под стражей, а также финансовой поддержки, оказываемой заявителем организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама» (LTTE), Суд установил, что Правительство не смогло убедительно опровергнуть сильную презумпцию обращения, противоречащую статье 3, возникшую в связи с медицинской справкой (см. постановление по делу «R.J. против Франции» (R.J. v. France), заявление №10466/11, п. 42, 19 сентября 2013 г.). В деле «D.N.W. против Швеции» Суд пришел к выводу, что «заявитель не представил убедительных доказательств того, что по возвращении в Эфиопию ему угрожает реальная опасность быть убитым или подвергнуться жестокому обращению», хотя и признал, что в прошлом заявитель был задержан эфиопскими властями и подвергался жестокому обращению (см. постановление по делу «D.N.W. против Швеции» (D.N.W. v. Sweden), заявление №29946/10, п.п. 42 и 45, 6 декабря 2012 г.).

100. Этот вопрос также затрагивается в Квалификационной директиве ЕС и в документах УВКБ ООН. В частности, в контексте признания статуса беженца или иной потребности в международной защите органами власти государств-членов ЕС, пункт 4 статьи 4 Квалификационной директивы предусматривает (см. пункт 47 настоящего Постановления), что «тот факт, что заявитель уже подвергался преследованию или причинению серьезного вреда либо прямым угрозам преследования или серьезного вреда, является серьезным признаком наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования или реальной опасности причинения ему серьезного вреда, при отсутствии убедительных причин полагать, что такое преследование или причинение серьезного вреда больше не повторятся».

101. Кроме того, этот вопрос, тесно связанный с общими вопросами оценки доказательств, рассматривается в пункте 19 «Пояснительной записки УВКБ ООН о бремени и стандарте доказывания в ходатайствах о предоставлении статуса беженца», касающемся показателей для оценки обоснованности опасений преследования. В нем отмечается следующее: «Хотя преследование или жестокое обращение в прошлом было бы серьезным аргументом в пользу положительной оценки в отношении риска преследования в будущем, отсутствие таковых не является решающим фактором. Аналогичным образом, факт преследования в прошлом не обязательно будет решающим при оценке возможности возобновления преследования, в частности, в случае значительного изменения условий в стране происхождения» (см. пункт 53 настоящего Постановления). Суд считает, что общий подход УВКБ ООН к бремени доказывания представляет также интерес в этом контексте: хотя бремя доказывания возлагается на ищущее убежища лицо, у государственного чиновника, рассматривающего ходатайство о предоставлении убежища, есть совместная с искателем убежища обязанность установить и оценить все относящиеся к делу факты (см. пункт 6 «Пояснительной записки УВКБ ООН о бремени и стандарте доказывания в ходатайствах о предоставлении статуса беженца» (1998 г.) и пункт 196 «Руководства УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженца», упоминавшиеся выше в пунктах 53 и 54 настоящего Постановления). Кроме того, по вопросу оценивания общей достоверности ходатайства о предоставлении убежища, в пункте 11 «Пояснительной записки о бремени и стандарте доказывания в ходатайствах о предоставлении статуса беженца» говорится, что достоверность установлена, если заявитель представил последовательное и убедительное ходатайство, которое не противоречит общеизвестным фактам, и таким образом, с учетом всех факторов, может вызывать доверие (см. пункт 53 настоящего Постановления).

102. Суд считает, что факт жестокого обращения в прошлом является существенным признаком реальной опасности в будущем подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в тех случаях, когда заявитель представил в целом последовательное и достоверное изложение событий, которое согласуется с информацией об общей

ситуации в рассматриваемой стране, полученной из надежных и объективных источников. При таких обстоятельствах Правительство обязано развеять любые сомнения относительно существования такого риска.

(j) Принадлежность к группе, подвергающейся преследованию

103. Упомянутое выше требование, согласно которому искатель убежища может провести различие между своей ситуацией и общими опасностями в принимающей стране, при определенных обстоятельствах смягчается, например, если заявитель утверждает, что он принадлежит к группе, систематически подвергающейся практике жестокого обращения (см. упоминавшееся ранее дело «Салах Ших против Нидерландов», п. 148; и дело «S.H. против Великобритании» (S.H. v. the United Kingdom), заявление №19956/06, п.п. 69-71, 15 июня 2010 г.; а также упоминавшееся ранее дело «NA. против Великобритании», п. 116).

104. Более того, в деле «Саади против Италии» (упоминавшемся выше) Суд постановил:

«132. В делах, где заявитель утверждает, что он (она) принадлежит к группе, систематически подвергающейся практике жестокого обращения, Суд считает, что защита согласно статье 3 Конвенции начинает действовать с того момента, когда заявитель докажет, ссылаясь при необходимости на упомянутые в предыдущем абзаце источники, что имеются веские основания верить в существование такой практики и его (ее) принадлежность к соответствующей группе (см., с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), упоминавшееся ранее постановление по делу «Салах Ших против Нидерландов», п.п. 138-49)».

105. При таких обстоятельствах Суд не будет настаивать на том, чтобы заявитель продемонстрировал наличие дополнительных особых отличительных признаков, поскольку это сделало бы нереальной защиту, предусмотренную статьей 3 Конвенции. Это будет определяться с учетом изложения событий заявителем и информации о ситуации в стране назначения применительно к рассматриваемой группе (см. упоминавшиеся ранее дела «Салах Ших против Нидерландов», п. 148 и «NA. против Великобритании», п. 116).

2. Применение изложенных принципов в деле заявителей

(a) Надлежащее время для оценки риска

106. Согласно установившейся прецедентной практике Суда, наличие риска жестокого обращения необходимо оценивать прежде всего с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны договаривающемуся государству на момент высылки (см. упоминавшееся выше дело «F.G. против Швеции», п. 115, цитируемое в п.83 настоящего Постановления). Однако, если на момент рассмотрения дела Судом заявитель еще не был экстрадирован или депортирован, то соответствующим временем будет время разбирательства дела в Суде (см. упоминавшиеся ранее дела «Саади против Италии», п. 133, и «Чахал против Великобритании», п.п. 85-86; а также постановление ЕСПЧ по делу «Венкадаяласарма против Нидерландов» (Venkadajalasarma v. the Netherlands), заявление №58510/00, п. 63, 17 февраля 2004 г.).

107. Поскольку заявители в настоящем деле еще не были депортированы, вопрос о том, столкнутся ли они с реальной опасностью преследования по возвращении в Ирак, необходимо рассматривать с учетом ситуации, сложившейся в настоящее время. Таким образом, Суд рассмотрит ситуацию заявителей в настоящее время, принимая во внимание прошлые факты в той мере, в которой они вносят ясность в текущую ситуацию.

(b) Общая ситуация с безопасностью в Ираке

108. Суд отмечает, что и Шведская миграционная служба в 2011 году, и Миграционный суд в 2012 году пришли к выводу, что ситуация с безопасностью в Ираке не давала оснований утверждать о существовании общей потребности в международной защите ищущих убежища лиц. Этот вывод впоследствии был подтвержден постановлением Палаты по настоящему делу, вынесенным в июне 2015 года.

109. Правительство в письменных замечаниях отметило, что согласно последней информации, предоставленной Миграционной службой, интенсивность насилия в Багдаде по прежнему не создает реальную опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Они ссылались, в частности (*inter alia*), на доклад Министерства внутренних дел Великобритании от апреля 2015 года и доклады Норвежского центра информации о странах происхождения (Landinfo) от 2014 и 2015 годы. Заявители в своих замечаниях просто отметили, что ситуация с безопасностью в Ираке ухудшается, не ссылаясь на какие-либо подтверждающие документы.

110. Суд согласился с позицией Правительства по поводу общей ситуации с безопасностью в Ираке и считает ее обоснованной. Кроме того, последний доклад Министерства внутренних дел Великобритании, датированный ноябрем 2015 года, подтверждает этот вывод. Хотя ситуация с безопасностью в Багдаде ухудшилась, интенсивность насилия не достигла уровня, при котором возникает реальная опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. В недавних докладах независимых международных правозащитных организаций, упомянутых в пунктах 32-34 настоящего Постановления, также не приводится какая-либо информация, позволяющая прийти к такому заключению.

111. Поскольку общая ситуация с безопасностью в Ираке, как таковая, не препятствует выдворению заявителей, Суд должен оценить, столкнутся ли заявители в случае высылки в Ирак с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в силу их личных обстоятельств.

(c) Личные обстоятельства заявителей

112. Прежде всего, Суд отмечает, что в настоящем деле предполагаемые угрозы поступали в адрес нескольких членов семьи заявителя, включая дочь первого и второго заявителей и брата первого заявителя. Поскольку эти угрозы были связаны главным образом с действиями первого заявителя, Суд сосредоточит внимание на его положении. Первый заявитель утверждал, что в случае возвращения в Ирак он подвергнется реальной опасности жестокого обращения по двум основаниям: с одной стороны, предполагаемое преследование заявителя Аль-Каидой в связи с его деловыми отношениями с американскими вооруженными силами, имевшими место до 2008 года, и, с другой стороны, возможное преследование заявителя со стороны иракских властей в связи с участием в телевизионных дебатах.

113. Суд напоминает, что он оценивает ситуацию заявителей с точки зрения настоящего момента. Основной вопрос заключается не в том, как шведские миграционные органы оценивали обстоятельства дела в то время (т. е. на время принятия решений Миграционной службой (22 ноября 2011 г.) и Миграционным судом (23 апреля 2012 г.)), а в том, столкнутся ли заявители с реальной опасностью преследования по упомянутым выше причинам в случае выдворения в Ирак в настоящее время (см. упоминавшееся ранее дело «F.G. против Швеции», п. 115).

114. Прежде всего, Суд не видит оснований сомневаться в правильности выводов Миграционной службы о том, что с 2004 по 2008 год семья подвергалась самым

серьезным формам насилия (*ytterst allvarliga övergrepp*) со стороны «Аль-Каиды» (см. пункт 17 настоящего Постановления, а также цитируемое в пункте 84 настоящего Постановления дело «F.G. против Швеции», п.п. 117 - 118). Эти выводы не ставились под сомнение ни в представлениях Миграционной службы в Миграционный суд, ни в выводах Миграционного суда, ни, по-видимому, в ходе рассмотрения жалобы на нарушение Конвенции. Суд также отметил, что в ходе рассмотрения дела в Миграционной службе заявители утверждали, что косвенные угрозы в их адрес и нападения на торговые склады первого заявителя продолжались и после 2008 года, что они избежали новых нападений только благодаря тому, что скрывались, и что они не могли воспользоваться защитой властей Ирака, поскольку в органах власти действовали агенты «Аль-Каиды». Суд не видит оснований подвергать сомнению эти утверждения. Таким образом, Суд удостоверился в том, что представленное заявителями изложение событий, имевших место в 2004-2010 годах, является, в целом, последовательным и достоверным. Это изложение событий согласуется с соответствующей информацией о стране происхождения, полученной из надежных и объективных источников (см. пункт 39 выше). Принимая во внимание тот факт, что заявители подвергались жестокому обращению со стороны «Аль-Каиды», Суд считает, что имеются существенные признаки того, что в Ираке им по-прежнему будет угрожать опасность со стороны негосударственных субъектов (см. пункт 102 настоящего Постановления).

115. Таким образом, развеять любые сомнения относительно существования такого риска должно Правительство. В этой связи Суд отмечает, что, согласно представлениям Правительства, представители Миграционной службы утверждали в Миграционном суде, что поданные заявителями документы о предполагаемых событиях, имевших место в сентябре и ноябре 2011 года, были просты по сути и не имеют большой доказательственной ценности. Кроме того, Правительство затронуло вопрос о том, почему заявители не представили более подробные сведения о продолжающихся нападениях после 2008 года на более раннем этапе процедуры предоставления убежища. Представители Правительства утверждали, что этот факт, а также время и обстоятельства представления DVD-диска с аудиовизуальной записью телевизионных дебатов, в которых участвовал первый заявитель (см. пункт 71 настоящего Постановления), уменьшили достоверность утверждений заявителей. Заявители оспаривали это утверждение властей (см. пункт 61 настоящего Постановления). Вместе с тем Суд отмечает, что Миграционная служба не комментировала вопрос о достоверности утверждений заявителей или DVD-диска. Миграционный суд также конкретно не рассматривал эти вопросы в своем обосновании.

В отсутствие дальнейшего конкретного обоснования этих вопросов в соответствующих выводах Миграционной службы и Миграционного суда Суд не может воспользоваться их оценкой в этом отношении.

Тем не менее, Суд не считает необходимым разрешать разногласия сторон по этим вопросам, поскольку в любом случае согласно решениям национальных органов, по-видимому, полностью не исключается опасность, по-прежнему исходящая от «Аль-Каиды».

Вместо этого они, по-видимому, поддержали мнение о том, что – на момент принятия ими решений – уменьшились как возможности «Аль-Каиды» действовать беспрепятственно, так и проникновение ее агентов в органы власти, а возможности властей Ирака защищать заявителей, напротив, увеличились (см. пункты 17 и 19 настоящего Постановления).

116. По сообщениям, полученным из разных надежных и объективных источников, люди, которые каким-либо образом сотрудничали с органами власти оккупационных сил в

Ираке после войны, подвергались и продолжают подвергаться нападениям со стороны «Аль-Каиды» и других группировок. В Информационном докладе о стране происхождения (по Ираку) за 2009 г. Министерства внутренних дел Великобритании сообщалось, что гражданским лицам, работавшим по найму или иначе связанным с многонациональными силами в Ираке, угрожала опасность стать жертвами нападений со стороны негосударственных субъектов. Аналогичным образом, в докладе Министерства внутренних дел Великобритании за 2014 год говорится, что лица, которые предположительно или фактически сотрудничали с нынешним правительством Ирака и его учреждениями, а также с бывшими американскими или многонациональными силами или иностранными компаниями, подвергались опасности преследования в Ираке. В докладах выделяются определенные группы лиц, которые находятся в особой опасности, в том числе переводчики, иракские граждане, работающие по найму в иностранных компаниях, и некоторые связанные с ними специалисты – судьи, ученые, преподаватели и юристы (см. пункты 39-42 настоящего Постановления).

117. Первый заявитель относится к группе лиц, систематически подвергающимся преследованию за их отношения с американскими вооруженными силами. Суд учитывает тот факт, что степень и формы «сотрудничества» с иностранными войсками и органами власти могут различаться и, следовательно, уровень риска также может отличаться в определенной степени. В этой связи следует обратить внимание на уже установленный факт того, что первый заявитель подвергался жестокому обращению до 2008 года. Более того, еще один важный фактор заключается в том, что его контакты с американскими силами были очень заметны, поскольку офис его компании находился на территории военной базы США, которую заявители называли «Виктория Кэмп». Упомянутые выше доклады практически не подтверждают вытекающее из решений национальных органов предположение о том, что угрозы со стороны «Аль-Каиды» должны были прекратиться после прекращения первым заявителем деловых отношений с американскими вооруженными силами. С учетом конкретных обстоятельств этого дела Суд считает, что в случае возвращения в Ирак первый заявитель и два других члена его семьи, которые являются заявителями по этому делу, столкнутся с реальной опасностью подвергнуться дальнейшему преследованию со стороны негосударственных субъектов.

118. В связи с этим возникает вопрос о том, смогут ли иракские власти обеспечить защиту заявителям. Заявители оспаривали эту возможность, в то время как Правительство утверждало, что в Багдаде действует надлежащим образом функционирующая судебная система.

119. В связи с этим Суд отмечает, что в соответствии со стандартами законодательства Европейского Союза государство или субъект, обеспечивающий защиту, должны соответствовать ряду конкретных требований: в частности, субъект должен «применять эффективную правовую систему для выявления, привлечения к ответственности и наказания за деяния, составляющие преследование или причинение серьезного вреда» (см. статью 7 Квалификационной директивы, цитируемую в пункте 48 настоящего Постановления).

120. Согласно последней информации из объективных международных источников в области прав человека, иракской системе безопасности и правовой системе недостает целостности и потенциала. Система еще работает, но по сравнению с 2010 годом количество недостатков увеличилось (см. пункт 43 настоящего Постановления).

Более того, Государственный департамент США отметил, что широко распространенная коррупция на всех уровнях государственного управления и общества усугубила ситуацию с недостаточно эффективной защитой прав человека, а также что силы безопасности не прилагают достаточных усилий для предотвращения насилия в

обществе или для реагирования на его проявления (см. пункт 44 настоящего Постановления). Таким образом, ситуация явно ухудшилась по сравнению с 2011 и 2012 годами, когда Миграционная служба и Миграционный суд, соответственно, проводили оценку ситуации и Миграционный суд пришел к выводу о вероятной готовности и способности иракских правоохранительных органов предложить заявителям необходимую защиту, если угроза все еще существует (см. пункт 19 настоящего Постановления). Наконец, этот вопрос следует рассматривать на фоне ухудшающейся ситуации с безопасностью, характеризующейся ростом межконфессионального насилия, а также нападениями и наступательными операциями ИГИШ, в результате чего правительство Ирака утратило эффективный контроль над большими районами территории страны (см. пункт 44 настоящего Постановления).

121. Суд считает, что с учетом вышеупомянутой информации, в том числе сложности и неустойчивости общей ситуации с безопасностью, возможности иракских органов власти по защите своего народа следует рассматривать как уменьшившиеся. Хотя уровень защиты на данный момент по-прежнему может быть достаточен для обычных жителей Ирака, положение отдельных лиц, таких как заявители, которые принадлежат к преследуемой группе, отличается. Таким образом, исходя из конкретных обстоятельств дела заявителей, Суд не убежден в том, что в нынешней ситуации иракское государство сможет обеспечить им эффективную защиту от угроз «Аль-Каиды» или других групп частных лиц. Таким образом, следует считать, что личные обстоятельства заявителей в совокупности с уменьшением возможностей иракских властей по обеспечению их защиты создадут реальный риск жестокого обращения в случае возвращения заявителей в Ирак.

122. Поскольку возможности иракских властей по защите заявителей следует рассматривать как уменьшившиеся на всей территории Ирака, возможность перемещения внутри страны не представляется реалистичным вариантом в деле заявителей.

123. Таким образом, Суд пришел к выводу, что было доказано наличие существенных оснований полагать, что в случае возвращения в Ирак заявители подвергнутся реальной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Соответственно, Суд считает, что осуществление распоряжения о депортации заявителей повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. В статье 41 Конвенции предусматривается следующее:

«Если Суд признает факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней и если внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны предусматривает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет потерпевшей стороне справедливую сатисфакцию».

A. Ущерб

125. Заявители предъявили требование о выплате 10 000 евро каждому из них в качестве компенсации материального ущерба и о выплате 20 000 евро каждому из них в качестве возмещения морального ущерба.

126. Правительство подчеркивало, что распоряжение о депортации заявителей не было исполнено, следовательно, им не следует присуждать компенсацию ни материального, ни морального ущерба. Соответственно, Правительство утверждало, что требования заявителей следует оставить без удовлетворения.

127. Что касается материального ущерба, Суд считает, что заявители не обосновали свое требование, и поэтому Суд его отклоняет. В отношении возмещения морального ущерба, Суд полагает, что его вывод в данном Постановлении (см. пункт 123 настоящего

Постановления) сам по себе является достаточной справедливой сатисфакцией в отношении любого нанесенного заявителям морального ущерба (см. аналогичное упоминавшееся ранее дело «Саади против Италии», п. 188 и постановление ЕСПЧ по делу «Низамов и другие против России» (Nizamov and Others v. Russia), заявления №№ 22636/13, 24034/13, 24334/13 и 24528/13, п. 50, 7 мая 2014 г.).

В. Судебные расходы и издержки

128. Заявители предъявили требования в размере 25 000 шведских крон (приблизительно 2 729 евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных ими в связи с рассмотрением дела Палатой Суда, а также в размере 144 180 шведских крон (приблизительно 15 738 евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных ими в связи с рассмотрением дела Большой Палатой, что соответствует семидесяти восьми часам работы. Таким образом, общая сумма требований в отношении судебных расходов и издержек составила 169 180 шведских крон (приблизительно 18 467 евро).

129. Правительство утверждало, что размер компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела Большой Палатой, не должен превышать суммы, соответствующей тридцати часам работы.

130. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что они были фактическими и необходимыми, а их размер обоснован. В настоящем деле, с учетом находящихся в распоряжении Суда документов и его прецедентной практики, Суд считает, что сумма в размере 10 000 евро (плюс любой налог, который может быть начислен заявителям) будет обоснованной для покрытия расходов по всем статьям, и присуждает эту сумму заявителям.

С. Пеня

131. Суд считает целесообразным установить пеню, исходя из размера предельной ставки по займам Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1. *Постановляет*, десятью голосами против семи, что исполнение распоряжения о депортации заявителей в Ирак повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции;
2. *Постановляет*, пятнадцатью голосами против двух, что вывод Суда в отношении статьи 3 Конвенции сам по себе является достаточной справедливой сатисфакцией в отношении любого нанесенного заявителям морального ущерба;
3. *Постановляет*, двенадцатью голосами против пяти, что
 - (а) государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителям следующую сумму, которая должна быть конвертирована в валюту государства-ответчика по курсу на дату осуществления платежа:
10 000 евро (десять тысяч евро), плюс любой налог, который может быть начислен заявителям, - в порядке компенсации судебных расходов и издержек;
 - (б) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанную сумму должны начисляться простые проценты в размере ставки по займам

Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процентных пункта;

4. *Отклоняет*, единогласно, оставшуюся часть требований заявителей о справедливой сатисфакции;

Составлено на английском и французском языках и уведомлено в письменном виде 23 августа 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Пребенсен (Søren Prebensen)
Заместитель Секретаря

Гвидо Раймонди (Guido Raimondi)
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

- (a) мнение судьи Бианку, совпадающее с позицией большинства состава Суда;
- (b) мнение судьи О'Лири, совпадающее с позицией большинства состава Суда;
- (c) общее особое мнение судей Ядерблом, Грицко, Дедова, Кжолбро, Куцско-Штадльмайер и Полячковой;
- (d) особое мнение судьи Ранзони.

МНЕНИЕ СУДЬИ БИАНКУ, СОВПАДАЮЩЕЕ С ПОЗИЦИЕЙ БОЛЬШИНСТВА СОСТАВА СУДА

Я согласен с тем, как в этом Постановлении излагаются общие принципы, регулирующие дела о высылке в соответствии со статьей 3 Конвенции. Думаю, что действительно настало время это сделать. Также я согласен с тем, как эти общие принципы были применены в конкретных обстоятельствах дела, что привело к выводу о потенциальном нарушении Конвенции.

Тем не менее, я добавил бы следующее. При рассмотрении дел о предоставлении убежища наш Суд находится в особенно непростом положении - по сравнению с проведением анализа, который он должен осуществлять в отношении других прав, защищаемых согласно Конвенции. Это связано с тем фактом, что Суд должен провести проспективный (*ex nunc*) анализ ситуации в стране назначения. Я полностью согласен с необходимостью проведения такого анализа и не вижу другой возможности в системе, направленной на эффективную и практическую защиту закрепленных в Конвенции прав. Однако до принятия решения о проведении такого анализа и до применения общих принципов, как установлено в пунктах 77 - 105 настоящего Постановления, Суд должен проверить, соответствовал ли Конвенции проведенный на национальном уровне анализ в конкретном деле. Не думаю, что наш Суд помогает национальным органам власти в применении стандартов Конвенции на национальном уровне отказываясь от проведения этой проверки и уклоняясь от четкого ответа на вопрос о том, справились ли национальные власти со своей работой. Говоря это, я не исключаю, что Суд может счесть необходимым самостоятельно провести новый (*ex novo*) анализ в связи с изменением обстоятельств после того, как национальные власти сделали свои выводы.

Поэтому помимо всех изложенных выше принципов, я предпочел бы включить в это Постановление еще один общий принцип, который касался бы критерия необходимости проведения нового анализа дела в Страсбурге. На мой взгляд, этот критерий будет выполняться только в двух случаях: во-первых, когда власти страны не выполнили оценку конкретных обстоятельств дела в соответствии с требованиями Конвенции и, во-вторых, когда Суд в Страсбурге должен заново проанализировать дело в связи с существенным изменением обстоятельств общего или личного характера, в целях эффективной защиты прав, предусмотренных в статье 3 Конвенции.

Далее я предпочел бы, чтобы анализ конкретных обстоятельств дела начинался с вопроса о том, выполнен ли в этом деле критерий необходимости проведения анализа в Страсбурге. При всем уважении, я считаю, что большинство судей уклонилось от прямого ответа на этот вопрос.¹ Я считаю, что в этом деле выполнено первое условие критерия необходимости, поскольку национальные власти, в частности Миграционный суд в качестве суда последней инстанции на национальном уровне, не обеспечили соблюдения

¹ См. пункт 113 настоящего Постановления, где большинство судей Большой Палаты пришли к выводу, что основной вопрос заключается не в том, как Шведские миграционные органы оценивали обстоятельства дела в то время. См. для сравнения постановление по делу «F.G. v. Sweden» (F.G. v. Sweden) ([БП], заявление №43611/11, п. 117 (в заключительной части), ЕСПЧ 2016 г.): «Однако Суд должен удостовериться в том, что оценка, выполненная властями договаривающегося государства, надлежащим образом и в достаточной степени подтверждается внутренними материалами, а также материалами, полученными из других надежных и объективных источников, например, от других договаривающихся государств, третьих государств, учреждений ООН и авторитетных неправительственных организаций (см. в числе прочих примеров дело «NA. против Великобритании» (NA. v. the United Kingdom), заявление №25904/07, п. 119, 17 июля 2008 г.)».

стандартов Конвенции. Я заявляю об этом с глубочайшим уважением к властям Швеции и их впечатляющей работе по рассмотрению всех ходатайств о предоставлении убежища.

Согласно установившейся прецедентной практике Суда, «оценка Суда в отношении существования риска жестокого обращения, нарушающего статью 3 Конвенции, на соответствующий момент времени должна быть тщательной ввиду абсолютного характера статьи 3, а также того факта, что в ней закреплена одна из важнейших ценностей демократических обществ, входящих в Совет Европы».² Это было справедливо подтверждено в пункте 86 настоящего Постановления.

В деле заявителей Миграционный суд пришёл к выводу, что «в случае, если некоторая угроза все еще существует, представляется вероятным [франц. *'il était probable que'*], что иракские правоохранительные органы готовы и способны предложить заявителям необходимую защиту».³ По моему мнению, этот вывод об оценке риска не соответствует критерию, предъявляемому согласно Конвенции в делах об убежище, возбужденных по статье 3. Возможность или вероятность защиты ищущего убежища лица после его (ее) возвращения не соответствует критерию тщательного рассмотрения утверждений заявителей. Когда на карту поставлены абсолютные права, защищаемые согласно Конвенции, национальные власти не могут выполнять свои обязательства, просто делая вывод о том, что, вероятно, в стране назначения эти права не будут нарушены. Согласно критерию тщательной оценки необходимо, чтобы при проведении оценки власти проверили, имеются ли существенные основания полагать, что в случае возвращения заявителей в Ирак их правам не будет угрожать реальная опасность. Формулировка, используемая шведским Миграционным судом, не убеждает меня в том, что дело заявителей было рассмотрено с необходимой тщательностью. Поэтому я считаю, что следовало инициировать проведение анализа Судом в Страсбурге, и в данном деле его проведение было полностью обоснованным.

² См. постановление ЕСПЧ по делу «Вилвараджа и другие против Великобритании» (*Vilvarajah and Others v. United Kingdom*), 30 октября 1991, п. 108, Series A №215.

³ См. Постановление Большой Палаты, пункт 19.

МНЕНИЕ СУДЬИ О'ЛИРИ, СОВПАДАЮЩЕЕ С ПОЗИЦИЕЙ БОЛЬШИНСТВА СОСТАВА СУДА

1. Я голосовала в настоящем деле, как и большинство судей, хотя и с некоторыми колебаниями, ввиду конкретных особенностей дела заявителей и общей ситуации в Ираке, а также с учетом обязанности Суда, согласно прецедентной практике рассмотрения жалоб о нарушении статьи 3 Конвенции, выполнять проспективную (*ex nunc*) оценку риска, с которым столкнутся заявители в случае возвращения в Ирак.

2. Как указал судья Жупанчич в своем особом мнении, прилагаемом к постановлению Палаты, аналогичные этому дела об убежище при рассмотрении Судом согласно статье 3 зачастую зависят, с одной стороны, от географически удаленных, прошлых событий, а с другой стороны, в таких делах Суду необходимо вынести прогностические решения относительно того, что произойдет или не произойдет в будущем, если заявители вернутся в страну происхождения.¹

3. Поскольку я согласна с большинством общих принципов, изложенных в постановлении Большой Палаты, и поддерживаю заключение о нарушении Конвенции, в своем мнении, совпадающем с позицией большинства состава Суда, я ограничусь освещением некоторых аспектов постановления, принятого большинством судей, которые могут создать ненужные затруднения как для национальных органов по вопросам убежища, так и для различных Секций этого Суда, рассматривающих жалобы о нарушении статьи 3 Конвенции, подаваемые ищущими убежища лицами, которые получили отказ и подлежат депортации.

4. Во-первых, постановление Большой Палаты по делу «J.K. против Швеции» подчеркивает различие во мнениях в существующей прецедентной практике Суда по вопросам убежища и иммиграции, по крайней мере в той судебной практике, которая касается государств-членов ЕС, таких как Швеция. Как подчеркивается в настоящем Постановлении, принятом большинством судей (см. пункты 85 - 102 настоящего Постановления), в основе дела лежит вопрос о том, как оценивать существование риска со ссылкой на статью 3 Конвенции, когда установлено или принято, что ищущее убежища лицо в прошлом подвергалось преследованию или ему (ей) был причинен серьезный вред в стране, в которую его (ее) намеревается вернуть государство-ответчик. Как государство-член ЕС Швеция руководствуется подробными правилами Общеввропейской системы убежища и положениями Квалификационной директивы.² Несмотря на тот факт, что эти положения вторичного права ЕС транспонированы в законодательство Швеции, интерпретируемое и применяемое компетентными органами, большинство судебных решений принимается так, будто это не имеет значения, со ссылкой только на законодательство ЕС об убежище, при этом избирательно заимствуются элементы для установления своего собственного юридического стандарта в отношении бремени доказывания (см. далее пункт 7). В Постановлении Большой Палаты, даже в тех пунктах, где излагается внутреннее законодательство (пункты 23 - 29 настоящего Постановления), не поясняются и не воспроизводятся нормы законодательства Швеции, транспонирующие соответствующие положения Квалификационной директивы, в частности статью 4.

¹ См. особое мнение судьи Жупанчича, прилагаемое к постановлению Палаты от 4 июня 2015 г.

² Директива 2004/83/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты (ОJ 2004 L 304/12), впоследствии переработанная согласно Директиве 2011/95/ЕС от 13 декабря 2011 г. (ОJ 2011 L 337/9).

5. В одном из недавних дел по статье 5 Конвенции я подчеркивала, что тот факт, что решение, являющееся предметом поданного в Суд заявления, принято на основании законодательства ЕС, безусловно, не является гарантией соответствия Конвенции.³ Тем не менее, чтобы Суд выполнил свою наблюдательную функцию в отношении соблюдения основных прав в Европе, он обязан работать со сложным законодательством, которое в отдельных отраслях права требует транспонирования государствами-членами ЕС, а также понимать это законодательство. В деле «Авотинш против Латвии» (*Avotiņš v. Latvia*) Большая Палата, в духе комплементарности, справедливо предписывала национальным судам государств-членов ЕС, независимо от механизма взаимного признания решений, установленного законодательством ЕС, рассматривать любую «серьезную и обоснованную жалобу на явную недостаточность защиты права, защищаемого Конвенцией» в случаях, когда такая ситуация не может быть устранена в соответствии с правом ЕС.⁴ В том же духе, при рассмотрении жалоб, в которых значительную роль играют нормы права ЕС, этот Суд обязан полностью понимать правовую базу, с которой он сталкивается и на основании которой были приняты оспариваемые решения национальных властей.

6. Я должна подчеркнуть, что сказанное не следует воспринимать как критику исключительно в адрес этого Суда. Крайне важно, чтобы государства-ответчики в соответствующих делах четко объясняли характер и сферу применения соответствующих положений национального законодательства и положений законодательства ЕС, которые служат источником или основанием этих положений национального законодательства. Суд не должен их интерпретировать, но обязан их понимать. Без этой информации, особенно в области законодательства об иммиграции и убежище, Суду предоставлен недостаточный обзор соответствующей правовой базы, с которой работают национальные власти и суды, и взаимосвязи между ее компонентами. Это отсутствие ясности не идет на пользу ни заявителям, ни государствам-ответчикам, ни национальным органам по вопросам убежища, которых призывают к применению решений этого Суда и Суда Европейского Союза в Люксембурге. По словам одного из национальных судей, недавно принимавшего участие в оценке риска по статье 3 Конвенции, аналогичной рассматриваемой в настоящем деле:

«В отличие от других крупных национальных или региональных судов, таких как Верховный суд США или Суд Европейского Союза, для смягчения последствий какого-либо конкретного решения Суда в Страсбурге не существует законодательных сдержек и противовесов. В этом смысле Европейский суд по правам человека должен быть ответственен в большей степени, чем любой другой крупный судебный орган. (...) когда суд рассматривает дело в отсутствие таких сдержек и противовесов, можно лишь надеяться, что вывод о нарушении будет сделан только после явного установления нарушения».⁵

Хотя далее судья, о котором речь, признает, что прецедентная практика Суда (как правило) предполагает использование тщательного и добросовестного подхода до вынесения заключения о том, что депортация заявителя повлечет нарушение статьи 3 Конвенции, идея ясна: тщательность и добросовестность необходимы, чтобы наша судебная практика в этой области была понятна и чтобы ей следовали.

³ См. отдельное мнение, прилагаемое к постановлению по делу «А.М. против Франции» (*A.M. v. France*), заявление №56324/13, постановление от 12 июля 2016 г., которое касается административного содержания под стражей в ожидании высылки после незаконного въезда в страну на основании Директивы ЕС о возвращении, транспонированной в национальное законодательство государства-ответчика.

⁴ Постановление Большой Палаты от 23 мая 2016 г., пункт 116.

⁵ Постановление Высокого суда Ирландии по делу «Х.Х. против министра юстиции и равенства» (*X.X. v. Minister for Justice and Equality*) от 24 июня 2016 г., п.п. 124 - 125.

7. Во-вторых, пытаясь объяснить свою практику по статье 3 Конвенции относительно общей оценки риска, жестокого обращения в прошлом как признака опасности в будущем, а также бремени доказывания в этом контексте, Большая Палата черпала вдохновение из «Пояснительной записки» и «Руководства» УВКБ ООН, а также положений Квалификационной директивы, в частности статьи 4. Однако, как подчеркивает в своем особом мнении судья Ранзони, Большой Палате не следует выбирать предпочтительные для нее элементы из одного или обоих источников, отбрасывая те элементы, которые меньше соответствуют позиции Суда, и игнорируя важный контекст. В результате получается формулировка в пункте 97, составленная с хорошими намерениями, но слегка поспешно, в отношении которой у компетентных органов власти могут возникнуть некоторые трудности на практике. Каким образом судья национального суда, который должен применять пункт 4 статьи 4 Квалификационной директивы с учетом национального законодательства, в которое она транспонирована, и одновременно обеспечивать соответствие требованиям статьи 3 Конвенции, будет согласовывать стандарт «серьезный признак», о котором упоминается в Директиве, и «существенный признак», который Суд теперь определяет как соответствующий стандарт согласно статье 3? Это изменение формулировки никак не объясняется. Кроме того, независимо от упомянутых документов УВКБ ООН, согласно пункту 5 статьи 4 Квалификационной директивы не признается, прямо или косвенно, что сомнения *должны* толковаться в пользу лица, ищущего международной защиты. В пункте 5 статьи 4 говорится скорее об отсутствии необходимости в подтверждении некоторых аспектов утверждений заявителя, не подкрепленных документальными свидетельствами, при соблюдении пяти четко определенных условий. Нет необходимости подробно воспроизводить все эти условия. Достаточно сказать, что сделав заключение о том, что сомнения *должны* толковаться в пользу ищущего убежища лица, без общих оговорок «при определенных обстоятельствах» или «при соблюдении определенных условий», Большая Палата не приняла во внимание существенные подробности и условия, включенные в источники, на которые она, по собственным утверждениям, опирается.⁶ Чтобы установить нарушение статьи 3 в настоящем деле, не было необходимости в такой путанице юридического характера, а с учетом того, что это постановление Большой Палаты, это и вовсе нежелательно.

8. В-третьих, необходимо подчеркнуть, что следует приветствовать принятое большинством судей Постановление, поскольку в нем систематизируются некоторые общие принципы, которые должны применяться национальными властями в делах по статье 3, а также разъясняется суть проспективной (*ex nunc*) оценки, которую выполняет Суд в соответствии с этим положением (см. пункты 77 - 90 настоящего Постановления). Тем не менее, при применении этих общих принципов к фактам настоящего дела некоторые описанные выше недостатки, имеющие место в пункте 97, проявляются также при применении общих принципов в пункте 114. Некоторые из этих недостатков отмечены в совместном особом мнении, прилагаемом к Постановлению, принятому большинством состава суда. Хотя я не соглашусь с авторами этого особого мнения в том, что касается их альтернативной оценки риска, а вернее ее отсутствия, я безусловно согласна с тем, что у большинства состава судей не было необходимости полагаться на столь упрощенное обоснование в этом важнейшем пункте. В этом деле речь шла об обязанности доказывания, которую следовало считать выполненной с момента признания того, что в Ираке заявитель и его семья стали жертвами серьезного преследования, приведшего к смерти и серьезным травмам, а также того, что значительное количество

⁶ По сравнению с более ограничительной оговоркой в пункте 93 настоящего Постановления Большой Палаты, где говорится, что «нередко возникает необходимость» толковать сомнения в пользу заявителя, потому что ищущие убежища лица «зачастую» оказываются в особой ситуации.

изложенной ими информации было достоверным. В этом контексте Большая Палата должна была с учетом событий в прошлом оценить следующее: была ли достаточным обоснованием депортации заявителей вероятность того, что иракские власти будут готовы и способны защитить заявителя (в прошлом сотрудничавшего с армией США) и его семью. Несмотря на доказательства участия заявителя в телевизионных дебатах, где он критиковал власти именно по этому поводу, Миграционная служба отказалась пересмотреть их дело,⁷ и этот факт мог бы быть более подробно рассмотрен Судом в свете его недавнего решения по делу «FG против Швеции».⁸ Что касается собственной проспективной (*ex nunc*) оценки Суда с учетом ситуации в Ираке и в Багдаде, сложившейся к середине 2016 года, то было возможно представить более подробную информацию (по сравнению с кратким изложением информации в пункте 114) в отношении того, что жестокое обращение в прошлом со стороны «Аль-Каиды» позволяет Суду прийти к выводу о наличии «существенных признаков того, что в Ираке им по-прежнему будет угрожать опасность со стороны негосударственных субъектов», со ссылкой в поддержку этого утверждения на предыдущий пункт касательно общих принципов, в котором сформулирован критерий относительно жестокого отношения в прошлом при оценке риска в будущем. Повторюсь, для установления потенциального нарушения статьи 3 в случае высылки заявителей в Ирак могли быть представлены более веские основания. После того, как было признано (что было сделано властями Швеции), что нападения на заявителя, с одной стороны, и гибель его дочери, с другой стороны, имели место, а также после признания причин этих нападений, стали формироваться доводы в пользу предоставления убежища по принципу *prima facie*, обязанность доказывания перешла к государству, в частности касательно опровержения существования риска в связи с общей ситуацией в принимающем государстве, угроз со стороны негосударственных субъектов и неспособности властей в этом государстве защитить заявителей в случае возвращения.⁹ При всем уважении, я не соглашусь с совместным особым мнением судей, когда его авторы «предполагают», что риск в будущем отсутствует, поскольку при прекращении сотрудничества заявителя с силами США перестали поступать угрозы в его адрес и адрес его семьи, а также, когда судьи без дополнительной информации заявляют, что «по-видимому, также не существует риска преследования заявителей в связи с деятельностью ИГИШ». Однако они совершенно правильно утверждают, что Большая Палата в своей проспективной (*ex nunc*) оценке должна была четко и конкретно рассмотреть эти вопросы. Разве у Суда не было возможности сослаться, в частности, на Руководство УВКБ ООН (хотя бы от 2012 года), в котором определялось, кто является негосударственными субъектами, и разъяснялось, что гражданским лицам, работавшим по найму (ранее) на бывшие многонациональные силы/силы США в Ираке или на международные компании либо связанным с этими силами/компаниями по другим причинам, а также семьям таких гражданских лиц по-прежнему угрожала опасность нападений со стороны негосударственных субъектов за их (предполагаемые) политические убеждения?¹⁰ Суд сам ранее признал, что людей, которые

⁷ См. пункты 21-22 настоящего Постановления Большой Палаты.

⁸ См. постановление Большой Палаты от 23 марта 2016 г. по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden), заявление №43611/11, п. 127, о необходимости выполнения оценки органами власти по собственной инициативе, *при определенных обстоятельствах* и с учетом абсолютного характера закрепленных в статье 3 прав.

⁹ Этот краткий обзор основных элементов данного дела я позаимствовала из заключительного абзаца раздела II особого мнения судьи Жупанчица.

¹⁰ См. Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН), Руководящие принципы по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Ирака, 31 мая 2012 г., HCR/EG/IRQ/12/03, <http://www.refworld.org/docid/4fc77d522.html>. По вопросу уместности этих Руководящих принципов см. постановление по делу «А.М. против Нидерландов» (A.M. v. Netherlands),

работали непосредственно с международными силами или на компании, связанные с этими силами, как правило, следует считать более подверженными опасности в Ираке по сравнению с обычными жителями.¹¹

9. Что касается упомянутой оценки, то у Большой Палаты была также возможность признать, что установленное в отношении государства-ответчика нарушение отчасти обусловлено порой крайне нестабильной ситуацией в принимающем государстве, вывод о нарушении был сделан в результате оценки, проведенной Судом в 2016 году, то есть по прошествии более четырех лет после принятия ключевого решения Миграционным Судом. Нарушение, вмененное государству-ответчику, следует рассматривать с учетом этого значительного периода времени.¹²

10. Как свидетельствуют особые мнения судей, взгляды на применение общих принципов, вытекающих из прецедентной практики, к индивидуальным обстоятельствам ищущего убежища лица, несомненно, будут отличаться в рамках проспективной (*ex nunc*) оценки этого Суда. Несомненно и то, что в таких оценках присутствует оттенок доктрины «четвертой инстанции»,¹³ и именно поэтому Большая Палата должна была более тщательно проработать два важнейших пункта Постановления, которые были рассмотрены выше.

заявление № 29094/09, п. 84, 5 июля 2016 г., (еще не окончательное), в котором отсутствие группы, к которой принадлежит заявитель, среди потенциальных групп риска, перечисленных УВКБ ООН, было фактором в поддержку заключения об отсутствии риска. См. также относительно общей ситуации в Ираке: Министерство внутренних дел Великобритании, «Информация о стране и рекомендации по Ираку: Ситуация с безопасностью в Багдаде, на юге страны и в Иракском Курдистане», апрель 2016 г., а также о политике правительства США в отношении сотрудничающих с ними лиц в документе Государственного департамента США “Proposed Refugee Admissions for Fiscal Year 2016” [Предложения по приему беженцев на 2016 налоговый год] от 1 октября 2015 г.

¹¹ См. постановление по делу «Т.А. против Швеции» (Т.А. v. Sweden), заявление №48866/10, от 19 декабря 2013 г., п. 42, хотя следует отметить, что в этом деле не было установлено нарушения, в частности, из-за периода времени, прошедшего с момента поступления в адрес заявителя угроз в связи с его сотрудничеством с вооруженными силами США.

¹² См. постановление Большой Палаты по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (Neulinger and Shuruk v. Switzerland), п.п. 145 и 151, заявление №41615/07, 6 июля 2010 г.

¹³ Прочитанное выше утверждение из п. 117 постановления по делу «F.G. против Швеции» в отношении того, что «в делах о высылке лиц, ищущих убежища, Суд не рассматривает самостоятельно сами ходатайства о предоставлении убежища и не проверяет, как государства соблюдают свои обязательства согласно Женевской конвенции о статусе беженцев» совершенно справедливо в теории. Однако, учитывая характер проспективной (*ex nunc*) оценки, это утверждение в некоторых случаях становится менее точным на практике.

ОБЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЯДЕРБЛОМ, ГРИЦКО, ДЕДОВА, КЖОЛБРО, КУЦСКО-ШТАДЛЬМАЙЕР И ПОЛЯЧКОВОЙ

1. К сожалению, мы не можем разделить мнение большинства судей о том, что в настоящем деле высылка заявителей в Ирак повлекла бы потенциальное нарушение Статьи 3 Конвенции.

2. Стороны согласились с тем, что до 2008 года заявители и некоторые другие члены их семьи подвергались преследованию со стороны «Аль-Каиды» в связи с предоставлением услуг американским вооруженным силам первым заявителем. В настоящем деле ключевой вопрос заключается в том, как рассматривать утверждения заявителей о событиях, последовавших после прекращения предоставления таких услуг, принимая во внимание, что хотя прошлые события представляют интерес, поскольку могут пролить свет на текущую ситуацию и ее вероятное развитие, решающее значение для рассмотрения ходатайств заявителей имеет положение дел в настоящее время (см., в числе прочих примеров, дело «Чахал против Великобритании» (*Chahal v. The United Kingdom*), 15 ноября 1996, п. 86, Reports of Judgments and Decisions [Сборник постановлений и решений] 1996-V; постановления по делу «Венкадаяласарма против Нидерландов» (*Venkadajalasarma v. the Netherlands*), заявление №58510/00, п. 67, 17 февраля 2004 г.; «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*) [БП], заявление №27765/09, п. 121, ЕСПЧ, 2012 г. и «A.G.R. против Нидерландов» (*A.G.R. v. the Netherlands*), заявление №13442/08, п. 55, 12 января 2016 г.).

3. Большинство состава суда не видит причин сомневаться в утверждениях заявителей. Они убеждены в том, что представленное заявителями изложение событий, имевших место в 2004 - 2010 годах, в целом является последовательным, достоверным, соответствует информации о стране происхождения и является существенным признаком того, что заявителям по-прежнему угрожает опасность со стороны негосударственных субъектов в Ираке (см. пункт 114 настоящего Постановления). Сделав вывод о наличии существенных признаков сохраняющейся опасности, большинство состава суда считает, что развеять любые сомнения относительно существования такого риска обязано Правительство. В этом вопросе большинство судей ссылаются на оценки, сделанные Миграционной службой и Миграционным судом, и считают их аргументацию недостаточной. Тем не менее, большинство судей не учитывают представления Правительства по соответствующим вопросам, а делают вывод о том, что в решениях национальных органов, по-видимому, полностью не исключается опасность, по-прежнему исходящая от «Аль-Каиды», и что в них, напротив, по-видимому, поддерживается мнение о том, что возможности властей Ирака защищать заявителей увеличились (см. пункт 115 настоящего Постановления).

4. Вопрос заключается в том, будет ли государство-ответчик выполнять свои обязательства по существенному аспекту статьи 3 Конвенции в случае исполнения решения о высылке заявителей в Ирак. Несмотря на то, что оценка фактов национальными органами очень важна для оценки заявления Судом, в том числе достоверности утверждений ищущих убежища лиц, основной вопрос в настоящем деле заключается не в решениях шведских миграционных органов на то время, а в том, столкнутся ли заявители с реальной опасностью преследования в случае возвращения в Ирак в нынешней ситуации (см. пункт 113 настоящего Постановления). Это неизбежно означает, что Суд берет на себя ответственность за определение всех фактов, на которых он основывает свою оценку риска в соответствии со статьей 3. Однако, согласно принципу субсидиарности, «в задачи Суда не входит подменять собственной оценкой анализ фактов дела, выполненный национальными судами, и, как правило, именно эти суды должны оценивать

представленные доказательства» (см. пункт 84 настоящего Постановления), и поэтому следует принимать во внимание любую оценку соответствующих фактов и доказательств, которая ранее была выполнена на внутригосударственном уровне. Поскольку именно Правительство выступает защитником государства-ответчика по данному делу в Суде и поскольку рассматривается вопрос дела о потенциальном нарушении статьи 3, их представления в отношении фактов и достоверности заявителей должны быть приняты во внимание в проспективной (*ex nunc*) оценке Судом любых рисков для заявителей в будущем. Все это должно быть сделано при отсутствии у Суда возможности лично заслушать заявителей, а в этом деле также при том, что письменные доказательства, приведенные в ходе разбирательств на внутригосударственном уровне, не были представлены всем судьям. Более того, даже при принятии жестокого обращения в прошлом как «существенного признака» опасности (см. пункты 99-102 настоящего Постановления), этот признак опасности, по нашему мнению, уменьшается, если такое жестокое обращение прекратилось в то время, когда заявители оставались в своей стране. Вместе с тем, мы согласны с мнением большинства состава суда в том, что признание жестокого обращения в прошлом в качестве признака существования риска в будущем предполагает, что «заявитель представил в целом последовательное и достоверное изложение событий» (см. пункт 103 настоящего Постановления).

5. Из аргументации большинства судей, приведенной в пункте 114 или в других частях настоящего Постановления, неясно, на чем основан вывод о том, что представленное заявителями изложение событий в целом является достоверным или почему они игнорируют доводы Правительства об обратном. По нашему мнению, оценка достоверности заявителей в этом случае должна включать следующие аспекты: оценку утверждения Правительства о том, что первый заявитель в ходе собеседований в Миграционной службе в 2011 году не упоминал, что боевики «Аль-Каиды» разыскивали его всего несколько недель назад; анализ сообщения, предположительно сделанного иракскими властями (к которым, по утверждению заявителей, у них не было доступа), о предполагаемом поджоге дома заявителей в ноябре 2011 года; оценку утверждения о том, что заявители опасаются преследования в связи с политической деятельностью первого заявителя, с учетом возражений Правительства о том, что этот фактор не фигурировал при рассмотрении дела Миграционной службой и был упомянут только при последующем обжаловании в Миграционном суде; а также оценку утверждений заявителей о том, что «Аль-Каида» разыскивала первого заявителя в 2011 году, единственным свидетельством чего является заявление их бывшего соседа в Багдаде, доказательственная ценность которого, по мнению государства-ответчика, является низкой.

6. В отношении перечисленных аспектов мы приходим к следующему выводу. Заявление соседа в сочетании с тем фактом, что вопрос о вышеупомянутом событии не поднимался на собеседовании в Миграционной службе, создает впечатление полученного «задним числом», а потому это событие следует считать неподтвержденным. Миграционная служба сочла, что сообщение о пожаре в доме заявителей имеет низкую доказательственную ценность, и даже если принять это событие как факт, в деле нет указаний на конкретную категорию преступников. Утверждения первого заявителя о его политической деятельности подтверждаются видеозаписью политических дебатов, которая, по-видимому, была неправильно датирована. Более того, об этом предполагаемом событии также можно было упомянуть в самом начале процедур предоставления убежища, и этому упущению не были даны достаточные объяснения. При таких обстоятельствах мы не согласны с выводом большинства судей о том, что представленное заявителями изложение событий «в целом достоверно».

7. Подводя итоги, мы находим, что утверждения заявителей, содержащиеся в их представлениях органам власти Швеции по окончании первого этапа рассмотрения дела в

Миграционной службе, не просто были необоснованными, а негативно сказались на ходатайстве о предоставлении убежища, особенно касательно событий, предположительно имевших место после 2008 года. Поэтому мы делаем вывод о том, что заявители не доказали, что они подвергались преследованию со стороны третьих лиц после 2008 года, и не соглашаемся с тем, что бремя доказывания и обязанность развеять любые сомнения относительно существования риска такого преследования в будущем перешли к Правительству.

8. Поскольку стороны согласились с тем, что заявители подвергались преследованию до 2008 года, мы принимаем это как факт, но приходим к заключению, что с этого момента преследование прекратилось и что это совпало с прекращением предпринимательской деятельности первого заявителя, связанной с американскими вооруженными силами. При таких обстоятельствах жестокое обращение, которому заявители подвергались в прошлом, не может служить главной основой для оценки риска преследования в будущем, но является одним из многих факторов, который следует принимать во внимание.

9. Вопрос заключается в том, существует ли сегодня реальная опасность преследования заявителей какой-либо группировкой из-за прежней предпринимательской деятельности первого заявителя, несмотря на тот факт, что преследование заявителей закончилось в 2008 году. Мы согласны с большинством состава суда в том, что общая ситуация в Ираке сама по себе не чревата опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Таким образом, оценка такой опасности должна основываться на следующих элементах, касающихся индивидуальной ситуации заявителей в связи с оказанием первым заявителем услуг американским вооруженным силам в прошлом:

(i) заявители подвергались преследованию со стороны «Аль-Каиды» до тех пор, пока первый заявитель не прекратил деловые отношения с американцами в октябре 2008 года, и

(ii) после этого каждый из заявителей в течение двух-трех лет оставался в Багдаде и не подвергался преследованию.

10. Заявители утверждали, что, прежде чем покинуть Ирак они скрывались в Багдаде, переезжая с места на место. Этот аргумент не оспаривался Правительством. Даже если заявители скрывались и тем самым избегали угроз со стороны «Аль-Каиды», они не утверждали, что остальные члены их семьи - две дочери, которые жили в Багдаде не скрываясь, - когда-либо получали угрозы из-за деятельности первого заявителя. На этом основании мы не можем заключить, что единственной причиной прекращения преследования заявителей было то, что они скрывались и переезжали в Багдаде с места на место.

11. Первый заявитель утверждал, что он предоставил американцам строительные и транспортные услуги, работая на территории одной из военных баз в Багдаде. Он не описал подробно, в чем заключались эти услуги. Хотя очевидно, что некоторые категории лиц, сотрудничавших с бывшими американскими / многонациональными силами (по-видимому, главным образом те, кто демонстрировал политическую или идеологическую приверженность этим силам), по-прежнему подвергаются нападениям со стороны различных группировок (см. пункт 41 настоящего Постановления), имеющиеся сообщения не столь же убедительны, когда речь идет о бывших независимых поставщиках услуг, не выказывавших идеологической приверженности. Поскольку в докладах описываются постоянные угрозы со стороны «Аль-Каиды» в отношении некоторых лиц, сотрудничавших с оккупационными силами, можно предположить, что если угрозы прекратились после того, как первый заявитель прекратил предоставлять свои услуги, то ему и его семье больше не угрожает опасность со стороны этой конкретной организации.

Что касается других группировок, таких как ИГИШ, то в Постановлении приведена некоторая информация об их деятельности на территории Ирака. Однако ни в одном из этих докладов не было сказано, что опасность, исходящая от ИГИШ, в чем-то отличается от опасности со стороны «Аль-Каиды» в плане преследования людей в Багдаде. Следовательно, заявителям, по-видимому, также не угрожает опасность стать жертвами преследования в связи с деятельностью ИГИШ.

12. Подводя итоги, следует отметить, что между сторонами нет разногласий в отношении того, что заявители подвергались преследованию со стороны «Аль-Каиды» до 2008 года, пока первый заявитель не прекратил оказывать услуги американским вооруженным силам. После прекращения преследования в 2008 году заявители в течение значительного периода времени оставались в Багдаде. Таким образом, жестокое обращение в прошлом само по себе не может служить признаком существования риска стать жертвой такого же типа преследования в будущем. Следовательно, доказать существование реальной опасности подвергнуться жестокому обращению со стороны «Аль-Каиды» или какой-либо другой группировки в случае возвращения в Ирак в нынешних условиях должны заявители, которые не смогли этого сделать. По этим причинам мы считаем, что исполнение распоряжения о высылке заявителей в Ирак не повлекло бы нарушения статьи 3 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РАНЗОНИ

1. При всем уважении я не согласен с большинством судей в том, что высылка заявителей в Ирак приведет к нарушению статьи 3 Конвенции. Я не могу согласиться ни с общими принципами, изложенными в пункте 102 Постановления Большой Палаты, ни с их последующим применением в настоящем деле.

Общие принципы

2. В пунктах 77 - 105 Постановления Большой Палаты по настоящему делу изложены общие принципы, применимые в этой области. Существующая прецедентная практика Суда резюмирована правильно, хотя и не всегда в полном объеме. Например, в пункте 99 Постановления под заголовком «Жестокое обращение в прошлом как признак существования риска» опущена ссылка на дело «I. против Швеции» (I. v. Sweden) (заявление №61204/09, 5 сентября 2013 г.), в котором Суд, в пункте 62 постановления, со ссылкой еще на несколько постановлений, постановил:

«если ищущее убежища лицо, как первый заявитель, ссылается на то, что он (она) ранее подвергались жестокому обращению, то, независимо от того, являются ли такие утверждения бесспорными или подтвержденными доказательствами, можно ожидать, что он (она) указывает на наличие существенных и конкретных оснований полагать, что по возвращении на родину он (она) снова подвергнется риску такого обращения, например, из-за политической деятельности данного ищущего убежища лица, его принадлежности к группе, в отношении которой имеет место постоянная практика жестокого обращения со стороны властей, что подтверждается сообщениями из надежных источников, выданного ордера на арест или других конкретных проблем с властями соответствующей страны».

При рассмотрении настоящего дела и оценивании аргументов большинства судей я придаю этим принципам большое значение.

3. В Постановлении по настоящему делу Большая Палата, ссылаясь на положения и принципы, изложенные в Квалификационной директиве ЕС (см. пункт 100) и документы УВКБ ООН (см. пункт 101), в пункте 102 сделала следующее заявление без какого-либо дополнительного пояснения:

«Суд считает, что факт жестокого обращения в прошлом является существенным признаком реальной опасности в будущем подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в тех случаях, когда заявитель представил в целом последовательное и достоверное изложение событий, которое согласуется с информацией об общей ситуации в рассматриваемой стране, полученной из надежных и объективных источников. При таких обстоятельствах Правительство обязано развеять любые сомнения относительно такого риска».

4. На первый взгляд не представляется понятным, каково было намерение большинства судей: отразить принципы, изложенные в существующей прецедентной практике, или установить новые принципы. После тщательной оценки различных критериев и их применения далее в тексте Постановлении становится понятно, что в этом важнейшем пункте 102 большинство судей установило новые принципы, без приведения достаточного обоснования.

5. Эти новые общие принципы вызывают у меня наибольшую обеспокоенность. Во-первых, в Постановлении не объясняется их формирование. Во-вторых, на мой взгляд, они представляют собой несбалансированную и фрагментарную комбинацию существующей прецедентной практики и других источников международного права; они недостаточно ясны, неубедительны и поэтому не годятся в качестве полезного руководства ни для национальных органов при выполнении ими сложной задачи по оценке дел о предоставлении убежища, ни для самого Суда, когда в соответствии со статьей 3 ему приходится выполнять собственную оценку. В-третьих, под заголовком «Жестокое обращение в прошлом как признак существования риска» в этих принципах непоследовательным и, по крайней мере на мой взгляд, неудовлетворительным образом

смешиваются такие разные элементы, как бремя доказывания, достоверность и последствия жестокого обращения в прошлом. В-четвертых, принимая во внимание существующую прецедентную практику, в создании новых принципов нет необходимости.

6. Далее я хочу обратить внимание на четыре термина, используемые в пункте 102 настоящего Постановления, которые, по моему мнению, наиболее проблематичны: «жестокое обращение в прошлом», «существенный признак», «в целом» и «любые сомнения».

7. Жестокое обращение в прошлом: В Постановлении не поясняется, каким должно быть «жестокое обращение» в прошлом, чтобы служить признаком существования риска жестокого обращения в будущем. Означает ли это, что достаточно любого жестокого обращения, даже если оно не достигает порогового уровня применения статьи 3? На мой взгляд, только имевшее место в прошлом жестокое обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, могло бы, в принципе, оправдать вывод о существовании риска жестокого обращения сопоставимой тяжести в будущем. В любом случае, жестокое обращение в прошлом не может рассматриваться в качестве единственного элемента оценки риска.

Кроме того, в пункте 102 настоящего Постановления ничего не говорится о значении промежутка времени, прошедшего с момента жестокого обращения в прошлом до момента оценки какого-либо риска в будущем. В связи с этим возникает следующий вопрос: является ли жестокое обращение, имевшее место, например, за пять или даже десять лет до подачи ходатайства о предоставлении убежища, все еще достаточным, чтобы представлять собой существенный признак жестокого обращения в будущем?

8. Существенный признак: Прежде всего, совершенно неясно и нигде в Постановлении не объясняется, откуда возник термин «существенный» (strong). Термин «признак» (indication), по-видимому, навеян пунктом 4 статьи 4 Квалификационной директивы ЕС (см. пункт 100 настоящего Постановления), который предусматривает:

«Тот факт, что заявитель уже подвергался преследованию или причинению серьезного вреда либо прямым угрозам преследования или серьезного вреда, является серьезным признаком наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования или реальной опасности причинения ему серьезного вреда, при отсутствии убедительных причин полагать, что такое преследование или причинение серьезного вреда больше не повторятся».

Однако, в этой Директиве упоминается не *существенный* признак (strong indication), а всего лишь *серьезный* признак (serious indication). Почему в Постановлении Большой Палаты используется термин «существенный» без какого-либо пояснения? К слову, различие в формулировке также изменяет или, по крайней мере, вносит путаницу в стандарт ЕС, согласно которому *серьезный* признак сохраняющегося реального риска основывается на преследовании или причинении серьезного вреда в прошлом.

Возможно, использование термина «существенный» позаимствовано из постановления по делу «R.J. против Франции» (R.J. v. France) (заявление №10466/11, 19 сентября 2013 г.), упомянутого в пункте 99 настоящего Постановления следующим образом: «Суд установил, что Правительство не смогло убедительно опровергнуть сильную презумпцию обращения, противоречащего статье 3», возникшую в связи с медицинской справкой. Однако, в деле «R.J. против Франции» Суд признал *сильную презумпцию* исключительно на основании достоверности жестокого обращения в прошлом и полученных телесных повреждений, как зафиксировано в медицинской справке. Аналогичный подход был принят в деле «R.C. против Швеции» (R.C. v. Sweden) (заявление №41827/07, 9 марта 2010 г.). В постановлении по этому делу также был использован термин «существенный», но снова лишь в качестве характеристики предположения о том, что телесные повреждения, указанные в медицинской справке, были вызваны жестоким обращением (в

прошлом) (предположительно со стороны национальных властей). Ни в деле «R.J. против Франции», ни в деле «R.C. против Швеции» Суд не приходил к заключению, что жестокое обращение в прошлом представляло собой *сильную презумпцию* или *существенный признак* жестокого обращения в будущем, по возвращении ищущего убежища лица в страну происхождения.

Таким образом, прецедентная практика Суда не дает оснований для употребления термина «*существенный признак*» с целью определения влияния жестокого обращения в прошлом на существование риска жестокого обращения в будущем.

9. *В целом последовательное и достоверное изложение событий*: На мой взгляд, изложение ищущим убежища лицом (прошлых) событий должно быть последовательным и достоверным, и недостаточно, чтобы такое изложение было последовательным и достоверным «*в целом*» (generally). В нескольких постановлениях Суд отмечал, что если достоверность представлений ищущих убежища лиц вызывает сомнения, то он (она) должны предоставить удовлетворительное объяснение любых предполагаемых расхождений (см. постановление по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden) [БП], заявление №43611/11, п. 113, ЕСПЧ 2016 г., со ссылками на другие материалы). Но для истолкования сомнений в пользу заявителя важным фактором также является последовательность и непротиворечивость утверждений лица, ищущего убежища, а также неизменность сути этих утверждений в ходе процедуры предоставления убежища. Конечно, если только некоторые детали изложения могут казаться не вполне правдоподобными, это не обязательно умаляет общую достоверность ходатайства заявителя. Именно это отмечает Большая Палата в пункте 93 настоящего Постановления (последнее предложение), хотя и добавляя, без каких-либо объяснений, термин «*общая*» (general). Однако это дополнение не подтверждается ссылкой на постановление по делу «Саид против Нидерландов» (Said v. the Netherlands) (заявление №2345/02, п. 53, ЕСПЧ 2005-VI) и на постановление по делу «N. против Финляндии» (N. v. Finland), с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*) (заявление №38885/02, п.п. 154-155, 26 июля 2005 г.); в этих двух постановлениях термин «*общая*» (general) не употребляется.

В связи с этим возникает вопрос, откуда возник термин «*в целом*», который употребляется в пункте 102 настоящего Постановления Большой Палаты. Ни прецедентная практика Суда, ни Квалификационная директива ЕС, ни документы УВКБ ООН не указывают на то, что изложение событий лицом, ищущим убежища, должно быть просто последовательным и / или достоверным *в целом* (generally). Выражение «*общая достоверность*» (general credibility) в подпункте (e) пункта 5 статьи 4 Директивы не может служить весомым основанием, поскольку касается не достоверности изложения событий (нем. «Glaubhaftigkeit»), а достоверности конкретного лица (нем. «Glaubwürdigkeit»). Это разные понятия.

Более того, пункт 5 статьи 4 Директивы, по-видимому, касается условий, при которых изложение событий заявителем не нуждается в подтверждении, и одно из этих условий гласит:

«(с) установлено, что утверждения заявителя последовательны, правдоподобны и не противоречат общей и конкретной информации, относящейся к делу заявителя»

Цель использования термина «*в целом последовательное и достоверное изложение событий*» в Постановлении, принятом большинством состава суда, кажется, состоит в том, чтобы снизить порог достоверности (credibility threshold) и как можно скорее переложить бремя доказывания на государство. Я не могу согласиться с таким подходом, и его последствия видны в пункте 114 настоящего Постановления. Хотя утверждения заявителей относительно периода времени после 2008 года вызывают серьезные сомнения и в некоторых отношениях являются не обоснованными и последовательными, а

противоречивыми, их, тем не менее, называют *в целом* последовательными и достоверными. В соответствии с вновь установленными принципами и с учетом *согласованности* «с информацией об общей ситуации в рассматриваемой стране, полученной из надежных и объективных источников» (см. пункт 102 настоящего Постановления) этого оказалось недостаточным, чтобы большинство судей переложило бремя доказывания на государство. Я не могу согласиться с таким ходом рассуждений.

10. По поводу понятия «*надежные и объективные источники*» и его интерпретации также можно сделать некоторые замечания, но в данном контексте я воздержусь от дальнейших комментариев по этому вопросу.

11. Последний термин, который я хотел бы обсудить, это требование к государству *развеять любые сомнения*: если бремя доказывания, в силу пониженных требований к достоверности, настолько быстро перекладывается, то, по-видимому, почти невозможно, чтобы государства развеяли *любые* сомнения. На мой взгляд, большинство судей установили очень проблематичные принципы и возложили тяжелое бремя (доказывания) на государства-члены.

Я мог бы в принципе подписаться под этим требованием, но только при соблюдении следующих условий:

(а) если лицо, ищущее убежища, представило последовательное и достоверное изложение событий, свидетельствующее о жестоком обращении в прошлом, которое соответствует порогу применения статьи 3 Конвенции;

(b) если это изложение событий соответствует информации об общей ситуации в рассматриваемой стране, полученной из надежных и объективных источников, что представляет собой серьезный признак существования реального риска такого жестокого обращения в будущем; и

(с) если лицо, ищущее убежища, представило существенные и конкретные основания полагать, что риск дальнейшего такого жестокого обращения по-прежнему сохраняется (см. в этом контексте упоминавшееся выше постановление по делу «I. против Швеции» (I. v. Sweden), п. 62).

При таких обстоятельствах именно государство должно развеять любые сомнения относительно существования риска. Такой подход соответствовал бы нашей прецедентной практике (см., например, упоминавшееся выше постановление по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden), п. 120, и постановление по делу «Саади против Италии» (Saadi v. Italy) [БП], заявление №37201/06, п. 129, ЕСПЧ, 2008 г.).

Однако если применять принципы, изложенные в пункте 102 настоящего Постановления, то следовало бы предусмотреть менее строгое требование, чем требование *развеять любые сомнения*. Суд мог бы, например, снова почерпнуть вдохновение в Квалификационной директиве ЕС, где в пункте 4 статьи 4 говорится о возможности опровержения серьезного признака «при отсутствии убедительных причин полагать, что такое преследование или причинение серьезного вреда больше не повторятся». Подобный подход был бы более уместен в настоящем деле.

12. С учетом вышеизложенного, я не могу согласиться с принципами, установленными большинством состава суда в пункте 102 настоящего Постановления.

Применение общих принципов

13. Даже при применении всех изложенных выше принципов моя собственная оценка, в отличие от оценки большинства судей, не позволяет сделать вывод о потенциальном нарушении статьи 3 Конвенции в случае высылки заявителей в Ирак. В этом отношении я

согласен с общим особым мнением моих коллег судей Ядерблом, Грицко, Дедова, Кжолбро, Куцско-Штадльмайер и Полячковой и мне нечего к этому добавить.